

Юлия Цыменкова

НЕВЕСТА НА УИКЕНД

16+

Юлия Цыпленкова
Невеста на уикенд

Глава 1

– Я хочу вас... – Эта фраза, сказанная будничным тоном, заставила меня поперхнуться, а мужчина, нависший надо мной, продолжил: – Я хочу вас попросить.

Выдохнула. Собственное изумление показалось глупым, и я покладисто кивнула:

– Да, конечно. Что я могу для вас сделать, Константин Георгиевич?

– Будьте моей невестой, – внес неожиданное предложение мой шеф.

– В каком смысле? – осторожно уточнила я.

– В прямом. Вы поедете со мной к моим друзьям, я представлю вас своей невестой. Вы подыгрываете мне, изображая влюбленность и обожание. Я, соответственно, тоже. Уикенд мы облизываем друг друга, а в понедельник вы получаете премию и возвращаетесь к своей привычной жизни. Что скажете?

– Ну, допустим, – уклончиво ответила я, не спеша согласиться на странное предложение. – Но у меня есть вопросы. Зачем вам это нужно, и почему я? Простите, – на всякий случай извинилась я, не желая ссориться с начальником.

Он присел на край стола и коротко вздохнул. Я продолжала рассматривать его снизу вверх и ждала ответ. Нет, мой начальник был видным мужчиной и, насколько я знала, несвободным. По крайней мере, подруга у него была, еще вчера утром она промчалась мимо меня, обдав шлейфом дорогих духов, и исчезла в кабинете шефа, не дожидаясь доклада. И когда они уходили, Костик, как мы за глаза именовали начальника, обнимал свою даму за талию. И вдруг его предложение...

– У меня спор, – пояснил шеф. Я ответом не удовлетворилась, и он это понял по моему взгляду. Костик покривился и продолжил с ноткой раздражения: – Видите ли, Вероника, пару лет назад мой близкий друг женился. Женился совершенно не выгодно, но по

большой любви. По этому поводу я имел неосторожность посмеяться над ним. Не со зла. Это была добродушная ирония. Я назвал своего друга каблуком и теленком. И в ответ он назвал меня бесчувственным чурбаном, который интересуется только карьерой и резиновыми куклами. В общем, мы немного повздорили. Результатом размолвки стал спор. Я опрометчиво заявил, что через два года приду к нему на годовщину с невестой, которая будет любить меня до полуобморока, и к которой я буду испытывать такие же чувства...

– Так в чем дело? У вас ведь есть женщина...

– Это не то, – досадливо поморщился шеф. – У нас партнерские отношения: я даю ей, что она хочет, она делает, что я хочу. Лиза называет это любовью, я – временной интрижкой. В общем, мы уже на грани прекращения этих отношений...

– Не понимаю, – я пожала плечами.

– Хорошо, – меня окинули сердитым взглядом: – В споре было еще одно условие. Моя невеста не должна до поры знать о моем недостатке. То есть я должен был познакомиться с ней, как какой-нибудь менеджер. То есть, как вы понимаете, моя невеста должна была полюбить меня не за мой счет в банке, а за то, что я клевый парень.

– Хы, – невольно вырвалось у меня. Клевый парень был похож на моего начальника, как овца на волка.

– Угу, – совершенно не обиделся Костик. – Характер у меня поганый. И времени на то, чтобы вскружить голову невинной девице, нет совершенно. Такие вот Лизы для меня идеальны. И жениться я собирался на девушке из... выгодного семейства. Всё для дела.

Я покивала головой. Все-таки он сволочь. По жизни сволочь. Меркантильный, бесчувственный карьерист. Сухарь и прагматик.

– Какой есть, – высокомерно ответил шеф, словно прочитав мои мысли. Я округлила глаза и прижала ладонь к груди, всем своим видом уверяя, что думаю о начальнике только самое хорошее, и

вообще обожаю его каждый день и по три раза. Он отмахнулся и продолжил: – Так что вы должны понимать, что нам придется не только разыгрывать влюбленную пару, но и врать о нашем знакомстве и развитии отношений. Да вообще обо всем.

– Вам так не хочется проигрывать?

– Ненавижу проигрывать, и насмешки не терплю. А они будут, – мрачно произнес Костик. – И что вы мне ответите?

– А если откажусь?

– Мы с вами попросаемся. И характеристику вам напишут такую...

Я закашлялась и кивнула, останавливая его:

– Я поняла, выбора нет.

– Нет, – согласился со мной шеф. – Зато премия будет, как ваша зарплата за три месяца.

– О-о-о, – протянула я, чувствуя, как загораются глаза от предвкушения. Н-да, я тоже меркантильная. А что делать? Жизнь такая. После этой мысли я посмотрела на Костика преданным взглядом: – Я ваша с потрохами.

– Знаю, – усмехнулся начальник.

– Но вы не ответили на второй вопрос, – напомнила я.

– Какой?

– Почему я?

– А вы здесь еще кого-то видите? – искренне удивился шеф и обвел рукой пустой офис. – Мне срочно нужна влюбленная женщина, вам, – он покрутил пальцем, словно обрисовывая меня, – судя по всему, деньги. – Я оскорбилась, но начальник мой возмущенный взгляд проигнорировал. – Заканчивайте работу, Вероника. Я жду вас в машине, и мы придумаем историю нашей любви. – Он передернул плечами: – Звучит-то как жутко. Но спор есть спор. Идемте.

И, не обращая внимания на мой открытый рот, первым направился прочь из офиса. Для него это был вопрос решенный. Для меня, собственно, тоже. Когда на одной чаше весов кругленькая сумма, а

на другой увольнение и волчий билет, сомневаться и выбирать не приходится. Я спешно сохранила документ, который печатала, выключила компьютер и последовала за шефом.

Он ждал меня на парковке возле бизнес-центра. Пассажирская дверь открылась, как только я приблизилась. Я несмело потопталась перед дорогим авто, а после поджала губы и нырнула внутрь.

– Слишком долго, – бросил Костик, выруливая с парковки. – Не люблю впустую тратить время.

– Простите, – ответила я, но обида за намек на мой внешний вид все еще не прошла. Покосившись на шефа, я все-таки съязвила: – В любви не может быть суеты. Поспешность может опозорить мужчину и расстроить женщину.

– До такой степени близости мы не дойдем, – невозмутимо ответил шеф. – А хамить не стоит. Хамство может опозорить работника и расстроить работодателя. Вы знаете, что бывает, когда начальник расстраивается?

– Это не работа – это шабашка, – ответила я и опомнилась. – Простите, Константин Георгиевич, я буду осмотрительней в словах.

– Верное решение, Вера. Итак, не будем терять времени... – он вдруг осекся и поглядел на меня, явно вспомнив мою недавнюю реплику. После немного изменил фразу: – У нас достаточно времени, чтобы обдумать нашу историю. Я слушаю вашу версию.

Я опять почувствовала возмущение. Мне и так придется врать на каждом шагу и изворачиваться, так я еще должна сама это вранье придумать и его научить. «Премия, – напомнило подсознание, – очень большая премия». Возмущение исчезло. За хорошие деньги можно создать новую вселенную, не то что какой-то эпизод из жизни господина Колчановского. Значит, история любви...

– Вера, вы – женщина, – снова заговорил шеф, – вы эти сопли должны щелкать, как семечки.

– Фу, – покривилась я.

– И тем не менее, – заупрямился Костик.

– Ну, хорошо, – кивнула я. – Значит, вы – не вы. То есть вы, но как будто не вы. А я? Кем я работаю? Я же не могу работать в вашей компании, иначе как я вас за простого парня приняла? И вообще, где мы могли познакомиться так, чтобы я не заподозрила вашего достатка? Это должно быть какое-нибудь рядовое место вроде парка или кафе. А может даже и торговый центр.

Он задумался. После вздохнул и кивнул:

– Давайте кофейню. Я заходил туда с кем-нибудь из знакомых и заметил вас. Вы обслуживали чужой столик, потому меня не запомнили. А я вас запомнил и в другой раз пришел в одежде попроще и сел так, чтобы вы меня обслужили. Как вам?

– Очень романтично, – фыркнула я, почему-то не желая быть официанткой. Но с другой стороны – кто? Продавщица в супермаркете? Или библиотекарь? Костик по библиотекам не ходит, по супермаркетам тоже – у него для этих целей должна быть домработница. Наверное. И тут мне в голову пришло, что я совершенно ничего не знаю о своем шефе. Хотя это-то понятно. Не обсуждать же ему со своим бухгалтером личную жизнь... – Ладно, буду официанткой, – согласилась я. – Хотя могла бы быть и библиотекарем. А вы увидели меня во время пробежки в парке...

– Пф, – как-то пафосно фыркнул Костик. – Я не бегаю в парке. Я хожу в фитнес-центр, там и занимаюсь. Еще бассейн, – зачем-то уточнил он. – Я сказал – кофейня, значит, кофейня. Официантка Вера – очень даже звучит.

– А сами-то вы кто? – с вызовом спросила я. – Торгуете телевизорами в техномаркете?

Шеф задумался. Он отрицательно покачал головой.

– Нет, не пойдет. Вы могли зайти в магазин и не обнаружить меня там. Нужна такая работа, где вы не могли бы меня проверить.

– Нужно больно мне вас проверять, – возмутилась я. – Я за мужиками не бегаю.

– У нас большая любовь, – напомнил шеф. – А влюбленные женщины любят делать сюрпризы. В техномаркет вы могли зайти,

чтобы увидаться со мной. Да и какой техномаркет в моем возрасте?! Это работа для студентов. Представьте меня в отделе бытовой техники! Это полная ерунда, – безапелляционно закончил Костик, и в салоне авто повисла тишина.

Я упорно пыталась представить шефа с миксером в руке. Почему-то в моей фантазии футболка с логотипом известного техномаркета была натянута поверх дорогого костюма. Наверное, я просто не могла представить Константина Георгиевича без его обязательного дресс-кода. Воображаемый шеф упорно рвал с груди футболку, отмахивался от миксера и топал ногами, требуя прекратить кощунственные фантазии. Это развеселило, и я зафыркала в ладонь, пытаюсь сдержать смех.

Костик покосился на меня. Затем прищурил глаза и тыкнул в мою сторону пальцем.

– Решено. Я буду бухгалтером на собственной фирме, – не без гордости сообщил он. – Заметьте, Вера, вы пока не предложили ни одной стоящей идеи. Вы не креативны. Напомните, почему я взял вас на работу?

– Никого другого под рукой не было? – ядовито спросила я в ответ. – Моя задача – работать с цифрами, и с ней я хорошо справляюсь. Вы чем-то недовольны?

– Только тем, что вы не можете подать ни одной хорошей идеи, – проворчал Костик. – Надеюсь, обожать меня вы будете более активно. Это важно. Кстати, – он подрулил к тротуару и развернулся ко мне, – давайте-ка потренируемся. Покажите, как вы меня обожаете.

Я посмотрела преданным взглядом, но шеф отмахнулся:

– Да не как мой работник. Представьте, что влюблены в меня без памяти. Вот он я – ваш принц. Покажите влюбленный взгляд. Да не щенячий! – раздраженно оборвал мои потуги Костик. Я изо всех сил постаралась увидеть в человеке, который платит мне деньги, человека, который дарит мне счастье. Он задумчиво потер

подбородок и выдал: – Вера, вы меня пугаете. У вас сейчас от усердия глаза из орбит вылезут.

И я психанула. Отвернулась и обиженно засопела. А потом вдруг подумала – а чего это я одна тренируюсь? Он меня тоже должен обожать, между прочим, а я пока не заметила, что являюсь для шефа светом в окошке. Это успокоило. Я снова посмотрела на него и сказала:

– Теперь вы.

– Что я? – не понял шеф.

– Ну, теперь вы попробуйте обожать совершенно чужую для вас женщину.

– Да легко, – хмыкнул Костик и воззрился на меня непроницаемым взглядом.

Признаюсь, я почувствовала себя отомщенной. Потому с удовольствием съехидничала:

– У вас лицо сейчас трещинами пойдет. Расслабьтесь. Посмотрите на меня, как на деньги.

Теперь возмущенно отвернулся Колчановский, и до меня донеслось:

– Деньги любят все, не надо думать, что я на них помешан.

– Но жену-то хотите выгодную.

– Мои планы на будущее вас не касаются, – сухо отчеканил мой начальник. – Будете сплетничать, пожалеете.

– Я – могила, – заверила я шефа, подняв руку в клятвенном жесте.

Вообще, конечно, теперь меня разбирало от желания с кем-нибудь обсудить предложение начальника и всю новую информацию о нем, но благоразумие было мне присуще, потому этот компромат я решила оставить при себе. Ну его, я один раз языком поработаю, потом только руками работать начну, когда буду швабру отжимать. Шеф, наблюдавший за мной, одобрительно хмыкнул, и я с подозрением посмотрела на него – экстрасенс?

– Ладно, попробуем по-другому, – вздохнул Костик и приказал: – Идите ко мне.

Я осталась в прежней позе, не понимая, чего он от меня хочет. Шеф приподнял брови и спросил:

– Я неясно выразился?

– Что вы хотите? – настороженно спросила я.

– Я хочу, чтобы мы поцеловались. Делайте, что я велю. – Я не сдвинулась с места. Перспектива целоваться с шефом меня не впечатлила. Да я его как мужчину никогда не рассматривала! Он всегда был где-то в другой вселенной. Начальник, работодатель, плательщик зарплаты, Константин Георгиевич, в конце концов! Но не мужчина. – Нам придется это делать, – неожиданно устало произнес Костик. – Думаете, я в восторге, что должен обмусолить своего бухгалтера? Вы для меня не женщина, вы – мой работник. Но нам придется целоваться, чтобы нам поверили. С упоением, с жаром, до опухших губ.

– То есть я для вас не женщина? – холодно спросила я, тут же забывая, что только что сама думала о своем начальнике также. – И как же вы намереваетесь изображать неземную и вечную, если даже не можете в деле с поцелуем обойтись без приказного тона?

Колчановский нахмурился. Он отвернулся от меня и устремил взгляд на дорогу. Пальцы Костика, надо заметить длинные и изящные, постукивали по лакированному рулю – мой начальник думал. Я тоже. Теперь я все больше жалела, что ввязалась в эту авантюру. Ничего хорошего из затеи шефа не выйдет, а виноватой окажусь я. Но не может же он признать себя самовлюбленным идиотом, который готов выдать своего бухгалтера за любимую женщину только для того, чтобы не проиграть в дурацком споре. Нет, ну глупость же! Мужики поспорили на любовь – с ума сойти! А еще говорят, что сопли – это удел женщин. Вон, Шекспир как размазывал в своих пьесах, а самцы все равно суровы и непробиваемы.

– Так не пойдет.

Голос шефа вырвал меня из задумчивости и обличения сильного пола в человеческих слабостях. Костик завел двигатель, и машина снова покатила по улицам города, но куда? Только сейчас мне

пришло в голову, что мы как-то подзабыли выбрать конечный пункт нашего путешествия.

– Куда вы меня везете? – спросила я. – Мой адрес...

– Он мне не нужен, – буркнул шеф. – Мы едем ко мне.

– Зачем? – напряглась я.

– Будем сближаться и познавать друг друга, – ответил он тоном, не терпящим возражений.

А они имелись! Во-первых, он сам сказал, что настолько мы сближаться не будем. И я начальника за язык не тянула, сам отказался. А во-вторых, я не собиралась переходить грань служебных отношений. Ну, разве что изобразить влюбленную дуреху за очень хорошее вознаграждение. И тут вдруг – познавать друг друга. Нет, я против!

– Я не имел в виду секс, – покосился на меня Колчановский. – У вас слишком ошеломленный вид, чтобы не понять, куда завели вас ваши мысли. Я же сказал, что настолько сближаться мы не будем. У меня принцип – на работе я работаю, развлекаюсь вне стен офиса и с людьми, не имеющими отношения к сфере моей деятельности.

– Ваша Лиза иногда выходит из вашего кабинета очень довольная, – заметила я.

– Она не работает на меня, – ответил Костик. – Думаю, вы поняли с первого раза, что я хотел сказать.

Значит, он и Лиза... Я прикусила губу и отвернулась, чтобы скрыть гаденькую ухмылочку, она могла вызвать недовольство начальства, а этого и так уж было достаточно. И все-таки воображение уже рисовало пошлые картинки, как наш Костик пользуется на рабочем столе свою любовницу, беспрестанно поглядывая на часы и повторяя: «Нужно ускориться, не люблю терять время впустую». И тут воображение дошло до точки невозврата, грохнув выстрелом «Авроры», и подкинув кадры из старых фильмов, где революционеры бегут на штурм Зимнего. Думаю, не стоит пояснять, к чему здесь эта аналогия. Это был финиш. Похоже, мои нервы дали сбой, и неуместный истерический хохот сотряс салон авто.

Шеф обернулся и бросил на меня озадаченный взгляд. Я замахала руками, стараясь показать, что со мной все в порядке, но унять смех так и не смогла, продолжая сотрясаться всем телом. Наверное, еще никто и никогда не представлял оргазм так, как я. Теперь главное не расколоться, когда Колчановский устроит мне допрос с пристрастием, что так взбудоражило меня. Сравнить свое начальство с «Авророй» было бы неосмотрительно, а свою работу я любила нежной и искренней любовью, потому что она кормила меня, одевала и позволяла иметь маленькие капризы. А давал мне все это Константин Георгиевич Колчановский. Лапочка моя.

Я выдохнула и с нежностью взглянула на начальника. Он перехватил мой взгляд и одобрительно кивнул:

– Вот, уже лучше. Нужно еще поработать над искренностью, и даже я вам поверю.

Да куда уж тут еще больше искренности? Когда речь заходит о зарплате, мое счастье всегда абсолютно светлое и искреннее. А что если мне так и смотреть на шефа, как на СМСку о поступлении на счет? Или как на отчет, который приняли с первого раза? Или на циферки, которые сошлись до последней копеечки? Я даже вдохнула с умилением.

– Очень хорошо, Вера, – едва заметно улыбнулся Костик. – О чем вы сейчас думаете?

– О зарплате, – честно призналась я.

– И вы еще меня упрекаете за любовь к деньгам, – усмехнулся шеф. – Но мы все равно проведем этот вечер вместе. Попробуем познакомиться заново. – Он подмигнул, а я пожала плечами. Как скажете, дорогой Константин Георгиевич.

Мне даже было интересно, как мой начальник представляет романтику, и как он собирается сблизиться со мной, имея принцип «на работе ни-ни». Хотя... нам ведь просто нужно немного узнать друг друга и расслабиться. Ему, наверное, так же неловко, как и мне. Мы оба привыкли к деловым отношениям. Костика не волновало, почему я плохо выпалась, а я, даже если бы и было любопытно, ни

за что не рискнула бы задать вопрос, почему шеф пришел в дурном настроении. Он бы выставил меня из своего кабинета, сопроводив короткой, но емкой фразой о сфере моих интересов в его компании. А теперь мы едем рядом и собираемся разыгрывать близкие отношения и чувства, хотя оба смотрим друг на друга, как на бесполое существо.

– Даже не представляю, как мы провернем эту аферу, – произнесла я вслух.

– Заметьте, вы уже говорите – мы, – улыбнулся шеф. – А это первый шаг к сближению, вы так не считаете? И раз начало положено, то нам стоит на время перейти на иную форму общения. Не можем же мы выкатать друг другу в доме моего друга.

– Это да, – уклончиво протянула я, думая, что у меня язык отвалится, если я осмелюсь тыкать Колчановскому, и тем более обращусь к нему просто по имени.

– Давайте попробуем. Наверное, с этого и надо было начинать, а не с поцелуев. Привет, Вера, – он изобразил дружелюбную улыбку, слегка натянутую на мой взгляд.

– П... привет, – с запинкой ответила я и вопросительно приподняла брови, когда шеф жестом предложил продолжить. – Костя, – выдохнула я.

– Хорошо, – кивнул он. – Спроси меня о чем-нибудь. Ну, хотя бы, как прошел мой день.

Я ощутила полную беспомощность, и даже панику. Мне вдруг пришло в голову, что после всей этой истории меня, может, и снабдят большой премией, но это будет последний день моей работы в компании Колчановского. Я ведь буду знать о нем слишком много, чтобы он простил мне эту осведомленность. Наш КГ не из тех, кого можно назвать хорошим парнем. Он умеет переступать через людей, а я теперь в группе риска...

– Ну же, Вера, – подбодрил меня шеф.

– Константин Георгиевич, – произнесла я, чувствуя, как на меня накатывает отчаяние, – поклянитесь, что не выдворите меня из

компании, в понедельник. И не сошлете в один из наших филиалов.

Он ответил удивленным взглядом.

– С чего такие мысли, Вероника Андреевна?

– Я вас знаю, – брякнула я и прикусила язык. – Простите. – Но уже через секунду тряхнула головой и повторила: – Обещайте, что все останется, как есть. Я буду держать язык за зубами и даже в состоянии алкогольного опьянения не выдам ваших тайн. Ну, пожалуйста...

– Всё будет хорошо, Вера, не волнуйся, – мягко улыбнулся Костик, но я почему-то не поверила этой улыбке. Я хорошо помню, как он жал руку своему заму, обещая вот также, что все будет хорошо, а потом уволил толкового мужика, разом забыв обо всех обещаниях. Надо брать с него письменную подписку. Акульему оскалу верить нельзя.

Глава 2

Машина въехала на подземную парковку дома, где жил мой начальник, и я судорожно вздохнула, ощущая, как вместе со шлагбаумом за моей спиной пролегла черта между уютным прошлым и совершенно неясным будущим. Колчановский заехал на свое место, после первым вышел из авто и, обойдя его, открыл мою дверцу. Он подал мне руку. Я прижала к груди свою сумочку одной рукой, вторую несмело вложила в раскрытую ладонь и вышла из машины. Шеф чуть задержал мою ладонь в своей, после поднял ее и прижался губами к тыльной стороне, глядя мне в глаза. Вышло... чувственно, и я смутилась.

– Не так уж и сложно, – заметил Колчановский, кажется, разговаривая с самим собой. – Идем, дорогая.

Я поперхнулась от той прыти, с которой Костик решил начать пресловутое сближение. Он приобнял меня за талию, совсем как свою Лизу, и повел к лифту. Я так и прижимала сумочку к груди, словно боялась, что в этом рассаднике элиты найдется шальной воришка, который покусится на мою скудную собственность.

– Расслабься, – промурлыкал шеф.

– Сказал волк ягненку, – пробурчала я себе под нос и услышала смешок.

– Так ты видишь во мне хищника? – любопытствовал мой временный жених.

– Простите, – по привычке извинилась я.

Шеф поморщился:

– Во-первых, прекрати извиняться. А во-вторых, заканчивай выкать.

– Извини, – машинально произнесла я.

– Ну, хоть что-то.

Мы поднялись на десятый этаж. Не знаю, о чем думал Костик, а я составляла в уме текст договора, по которому он не мог после своей

авантюры избавиться от меня. И когда он выдрал из моих пальцев сумочку, и когда помог снять плащ и стянул с шеи шарфик, я продолжала продумывать пункты еще не существующего документа.

– Выпьешь? – услышала я и обнаружила себя в удобном глубоком кресле кремового цвета.

– Да, – вырвалось у меня, но я тут же добавила: – Вообще я не пью. Просто стресс.

– Понимаю, – усмехнулся Колчановский. – Я сам себя чувствую неловко. Сейчас выдохнем, немного расслабимся и пойдем гулять. Согласна?

– Как скажете... скажешь, – не стала я спорить. Немного подумала и добавила: – Милый.

Тут же передернула плечами, до того дико прозвучало это слово в отношении КГ. Он сделал вид, что ничего не заметил, только в очередной раз одобрительно кивнул. Вскоре я сжимала в пальцах стакан, в который был налит коньяк. Сколько ему лет, меня интересовало в последнюю очередь. Меня всё сильнее лихорадило от собственных мыслей, подозрений, от завтрашнего спектакля и всей ситуации в целом. Потому, когда шеф произнес:

– За удачу в нашей аван... – я залпом выпила содержимое стакана, не дослушав тост, и жажнула опустевшей тарой по столику:

– Еще.

– Ого, – изумился Колчановский и плеснул мне еще. – Тост говорить?

– Чтобы было, – произнесла я за него и жажнула вторую порцию. Затем подняла взгляд на Костика: – Еще?

– Пока хватит, – задумчиво ответил шеф и отнял у меня стакан. – Расслабилась?

Я прислушалась к себе. Коньяк умело делал свое хмельное дело. В животе разлилось приятное тепло. Оно поднялось к голове и покрыло сознание пеленой легкого опьянения. Паника отступила, и чувство неловкости притупилось. Выдохнув, я подняла взгляд на шефа и кивнула:

– Кажется, расслабилась. Так вот, Константин Георгиевич, о нашем договоре...

– Опять выкаешь? – сухо спросил Колчановский, и я ответила:

– Да. Я буду выкать до тех пор, пока мы не утрясем все вопросы, которые меня волнуют. Итак, договор...

– Вера, – прервал меня шеф, – я ведь могу и по-другому решить этот вопрос.

– Не можете, – с неожиданной наглостью произнесла я. Коньяк не только расслабил, но и придавал смелости. – Если вы дотянули до сегодняшнего вечера, значит, другого варианта так и не нашли. Я – ваша единственная надежда не проиграть спор, а проигрывать вы не любите. Отсюда вывод, я вам нужна. Эта ваша авантюра, Константин Георгиевич, и я готова вам помочь в ней, но мне нужно быть уверенной, что вы не вышвырните меня после, как старый носок. Давайте составим договор, о котором будет известно нам двоим. Чего вам опасаться? Если вы не нарушите его условия, то я не обнародую его в поисках справедливости, и правда о наших взаимоотношениях останется скрыта от общественности. Что вы на это скажете?

– И какие же условия вы хотите включить в договор? – прищурился КГ.

– Ничего свыше того, о чем мы с вами уже говорили. Я просто хочу обезопасить себя.

Колчановский некоторое время вертел в пальцах свой стакан, разглядывая меня, но вдруг кивнул и сказал:

– Хорошо! Но мы включим в договор и мои условия.

– Какие? – насторожилась я.

– Я тоже должен себя обезопасить. В конце концов я доверяюсь вам и открываю двери в мою личную жизнь. – Он сделал глоток, после поставил стакан на столик и поднялся с кресла. – Идем. Будем считать это нашим первым совместным делом. А потому я продолжаю настаивать на том, чтобы мы обращались друг к другу менее официально.

– Как скажешь, – покладисто согласилась я, продолжаю ощущать поддержку коньяка. Все-таки замечательный напиток, зря я относилась к нему с пренебрежением, предпочитая вина. Затем мои мысли свернули на то, с чем я решила ассоциировать начальника, и я выдала, думая о премии: – Счастье мое.

– О-о, – протянул Костик, – ты делаешь успехи. Или коньяк... Жаль я не смогу напоить тебя завтра. Мне нужна любящая невеста, а не багаж.

– Глоток стимулятора, и я всё смогу, – заверила я шефа.

– Посмотрим, – хмыкнул он и ушел в свой кабинет, я последовала за ним, чувствуя воодушевление и желание расцеловать Колчановского уже за то, что он согласился на мои условия. Было бы побольше коньяка, я бы, наверное, так и сделала, а так была просто благодарна.

Войдя в кабинет, я обнаружила шефа за рабочим столом. Он включал компьютер. Я приблизилась, встала за его спиной и замялась. Легкий кураж подталкивал к действиям, ввевшаяся в кровь субординация мешала их начать. Раздираемая противоречиями, я продолжала пялиться на затылок шефа. Он полуобернулся, бросил на меня взгляд и спросил:

– Начнем?

– Да, – кивнула я и... решилась. Где-то на грани жизни и смерти, я опустила ладони на широкие начальничьи плечи, еще немного помялась, и, опустив их на грудь Костика, навалилась на него всем телом.

Сказать, что я дурела от собственной смелости, ничего не сказать. Инфаркт уже массировал мне плечи, но мысль, что так я буду стимулировать его к принятию моих пунктов, заставила остаться в той же позе.

– Ты сопишь мне в ухо, – проворчал шеф, явно не радуясь неожиданному прилежанию ученика. – Щекотно.

– Я привыкаю, – ответила я, вдыхая аромат его парфюма. – Ты приятно пахнешь.

– А тебе идет мой коньяк, – неожиданно весело усмехнулся шеф. После взял меня за руку и перетянул к столу. – Сядь рядышком, так нам обоим будет удобно. Согласна... любимая?

Произнес он последнее слово так, будто собирался прыгнуть в огонь. Мы обменялись шальными взглядами, и я молча кивнула, не найдя, что ответить. Пододвинув стул, я уселась рядом с ним и воззрилась на монитор. Колчановский, размяв пальцы, выдохнул и произнес деловым тоном:

– Приступим. Итак, твои пожелания?

– А твои? – осторожно поинтересовалась я, собираясь заранее узнать, чем шеф хочет обязать меня.

– Неразглашение, конечно, – пожал он плечами. – А еще я не позволю тебе отказаться от авантюры и бросить меня на половине пути. Договор будет считаться исполненным, когда я получу свой выигрыш.

– В случае проигрыша?

– Его быть не должно. Но если будет, значит, я признаю, что ты исполняла свои обязанности ненадлежащим образом. И вот тогда точно увольнение.

– Молодец какой! – воскликнула я возмущенно. – Значит, себя винить ты не станешь, так? Может, это ты окажешься плохим актером, а я отвечай?

– Я – хороший актер.

– Тогда почему не смог смотреть на меня с нежностью?

– Я был не готов.

– Тогда попробуй снова.

– Легко! – воскликнул он с вызовом.

– Давай! – азартно ответила я. – Сто рублей, если я хотя бы увижу тень эмоции.

– С паршивой овцы хоть шерсти клок? – ядовито спросил шеф, и я жизнерадостно кивнула:

– Ага.

– Бухгалтер, – обличил меня Костик.

– Не-а, – я мотнула головой, – любимая.

– Пятьсот, если потянешься ко мне, – с ответным азартом заявил шеф.

– Тысячу, если захочу поцеловать!

– Идет, – мы ударили по рукам, и Костик устремил на меня взгляд.

Гляделки продолжались минут пять. Я зевнула. Шеф усилил напор. В прямом смысле. Он подался вперед, еще шире распахнул глаза, и мне подумалось, что у него сейчас на лбу вздуются вены от усердия. Прошло еще две минуты, эмоций не было. Нет, обманываю, одна эмоция появилась – жалость. Мне стало жалко моего КГ, он честно старался быть правдивым, и я даже хотела ему подыграть, но потом вспомнила про пункт о ненадлежащем исполнении обязанностей, и жалость исчезла. Да, эмоций не было.

– Ну?

Шеф, наконец, выдохся и его взгляд стал вопросительным. Я развела руками.

– Черт, – выругался Костик. – Хорошо, давай теперь ты.

– Сотку, – потребовала я.

– Разменяю, отдам.

– Сотку, – не согласилась я.

– Какая ты... зануда, – проворчал начальник.

– Сам такую выбрал, – пожала я плечами, не удержалась и съехидничала: – И полюбил.

– Выбирать я явно не умею, – усмехнулся Костик. Я пропустила его замечание мимо ушей и повторила:

– Сотку.

– Черт с тобой, – он поднялся с кресла. – Идем.

– Куда?

– Купим тебе шоколадку, – произнес он ядовито. – Надо деньги разменять, у меня мелких нет. Или пойдет безналом?

– Только наличность, – безапелляционно заявила я.

– Тогда идем за шоколадом.

Я умиротворенно вздохнула, шеф одним ударом попал сразу в два моих слабых места: шоколад и деньги. Однако бросила взгляд на компьютер и забеспокоилась. Без ста рублей я как-нибудь проживу, а вот без договора мне неуютно...

– Вернемся, напишем. Кстати, знаешь старинную мудрость? – я ответила вопросительным взглядом, и липовый жених продекламировал: – Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы не смущать начальства своим разумением. Умный царь указал, между прочим.

– И к чему это? – полюбопытствовала я.

– Умничаешь много, – невозмутимо ответил КГ и направился на выход из своего кабинета.

Я с полминуты тупо смотрела ему вслед, пытаюсь понять: угроза это или просто ирония? Так и не придя к окончательному выводу, я поспешила следом, не забыв заметить:

– А я сейчас не с начальником, я с женихом разговариваю.

– А пишем брачный контракт?

– Практически, – кивнула я и встретилась взглядом с шефом.

– Все беды от ума, Верочка, – сказал он и подал мне плащ.

– Тогда понятно, отчего твоя Лизавета процветает, – буркнула я и, всунув ноги в туфли, направилась на выход.

Колчановский догнал меня у лифта, оперся ладонью на стену и посмотрел на меня:

– Лизавете ум не нужен, у нее другие таланты, – сказал он с улыбкой.

– Рада за нее, – ответила я прохладно и вошла в лифт.

Шеф шагнул вслед за мной и поздоровался с полноватым мужчиной, уже стоявшим в широкой кабине. Мужчина окинул меня взглядом, после перевел его на моего КГ, и тот вдруг, широко улыбнувшись, произнес:

– Моя невеста.

– О, – ответил сосед Костика. – Неожиданно, но давно пора. Я знаю родителей девушки?

– Сомневаюсь, – мой начальник продолжал жизнерадостно скалиться. – Любовь не ищет выгоды.

– О, – повторил мужчина с новым интересом оглядев меня. – Понимаю, но с тобой не вяжется.

– Судьба, – склонил голову Колчановский.

Я переводила взгляд с одного мужчины на другого, но так и осталась призраком. Костик не спешил меня представлять, его собеседник не проявил желания познакомиться со мной. Это было обидно и унижительно, однако правила игры я помнила – я эпизод более временный, чем пресловутая Лиза. Ну и ладно, переживу. Договор, премия и сохранение рабочего места – вот всё, что меня касается, остальное пусть идет лесом вместе с полным дядечкой.

Глава 3

Мы вышли на первом этаже, так и не доехав до парковки. Я с интересом осмотрела большой чистый холл с консьержем, а после и благоустроенный ухоженный двор, который охранял мужчина в униформе. Мой двор сторожила гвардия горластых любопытных пенсионеров, и еще неизвестно, кто надежней: лощеный тип у шлагбаума или мои старушки, от чьего бдительного ока не укроется ни один неблагонадежный элемент. Они-то душой радуют за родной дом, а не за зарплату.

Усмехнувшись своим мыслям, я прошла мимо охранника, пожелавшего нам с Костиком приятного вечера. КГ сказал спасибо, и я даже покосилась на него. Почему-то его вежливость показалась мне чем-то невероятным, но свои размышления я оглашать не стала. Зато вздрогнула, когда он обнял меня за плечи. Немного подумав, я ответила любезностью на любезность и положила руку на талию шефа. Разница в росте сказалась на удобстве такого способа передвижения, и Колчановский просто подставил мне локоть. Этот галантный жест вызвал прилив смущения.

– Вера, вы забавная, – сказал Костик. – То лапаете меня, то краснеете.

– Когда это я вас лапала? – опешила я.

– Дома лапали, сейчас обнимали.

– Вы обняли меня, я вас, мы же репетируем, – ответила я, поднимая на него взгляд.

– Верно, и мне нравится, как быстро мы продвигаемся, – произнес шеф. – Я – хороший учитель.

– У вас хороший коньяк, – возразила я. – А учитель из вас... не очень. Иначе мы бы сейчас не шли менять деньги.

Костик остановился и развернулся ко мне лицом. Он некоторое время рассматривал меня, а затем произнес:

– Ты – маленькая блошка, Вера. Я даже не подозревал, что на меня работает такой кусачий кровосос. Мы общаемся не больше пары часов, но я уже столько гадостей выслушал в свой адрес, это же просто невероятно!

Я скромно потупилась. Если бы он знал, сколько возмутительных гадостей я уже успела подумать о нем, то, наверное, уволил бы прямо здесь и сейчас, не сходя с этого места.

– Вы мне тоже мало приятного сказали, – заметила я, глядя на носки его ботинок. Они были чистыми и блестящими.

– Например? – заинтересовался шеф.

– Во-первых, ты сказал, что я плохо выгляжу... – произнесла я, снова перейдя на «ты».

– Когда это?

– В офисе, когда тыкал в меня пальцем и говорил, что я нуждаюсь в деньгах, – напомнила я. – Сейчас вот обозвал блохой. Еще сказал, что не воспринимаешь меня, как женщину. Я уже не говорю о том, что ты хочешь сделать меня козлом отпущения. И шантажировал, чтобы втянуть в свою аферу. И это не полный перечень.

– Ну, не уговаривать же мне тебя было, – искренне удивился КГ. – Шантаж – действенное средство, которое помогает достичь желаемого в короткие сроки. К тому же я сначала выдал тебе пряник, кнут показал, как аргумент, закрепляющий результат. И потом, что ты теряешь? Выходные, проведенные на диване? Или поход в магазин, чтобы загрузить холодильник на неделю вперед? Или болтовню со своей подружкой? – Я с подозрением посмотрела на него. Следил за мной что ли? С этой минуты я слушала внимательно и смотрела на Костика, не отрывая испытующего взгляда. – Взамен я предлагаю тебе провести время в хорошей веселой компании. Развлекись и поиграть. Почему нет? Что там еще? Твой внешний вид? Если бы он меня не устраивал, ты бы уже узнала об этом. Мне хватает того, что ты выглядишь опрятно, а на каком рынке одеваешься – это уже твое дело...

– Я не одеваюсь на рынке!

– Плевать, – отмахнулся шеф. – Главное, не голая и не в бабушкиной юбке.

Я открыла рот, но что сказать, так и не нашлась. Колчановский вернул мою руку на сгиб своего локтя и продолжил нашу прогулку, игнорируя мое недовольство. Он шествовал с видом повелителя мира, а я мысленно сворачивала ему шею. С каждой новой фантазией всё изощренней.

– Насчет козла отпущения, это только твои опасения. Я уверен в нашем триумфе. Завтра мы будем самой влюбленной из влюбленных пар. Я у твоих ног целых два дня! Уже одно это стоит того, чтобы ощутить предвкушение и удовольствие.

Бросив на него хмурый взгляд, я вдруг подумала – а ведь верно! Ты же два дня будешь целовать мне ноги, изворачиваясь ужом, чтобы изобразить влюбленного идиота. Два дня он будет моим послушным песиком. Два дня я буду начальником над начальником. Два дня я буду центром его вселенной. И я осклабилась, предвкушая, как отыграюсь на заносчивом мерзавце за всё, что он мне сейчас говорит, и как относится. Не знаю, что думал мой самовлюбленный шеф о том, как я должна воспринимать сомнительное счастье, находясь с ним рядом, а я понимала одно: *два дня абсолютной власти над раздутым индюком!* Да-а-а... Счастье есть!

На волне этих мыслей я прижалась щекой к его руке и счастливо вздохнула. Кажется, я нашла для себя мотивирующий аргумент. Ничего-ничего, господин Колчановский, вы еще узнаете, что такое каблук и теленок. Ваш друг будет доволен, в этом я уверена. Мы выиграем, но без насмешек, боюсь, вы не останетесь. Но сначала договор! Вот это действительно важно. Иначе мне еще аукнется.

– Вера, менястораживает это выражение безграничного счастья на твоём лице.

Голос КГ привел меня в себя, и я поспешила умерить накал кровожадного предвкушения. Впрочем, и сами планы на ближайшее

будущее я решила продумать получше, все-таки нам еще вместе работать, так что действовать надо тонко. Ладно, с этим разберемся.

– Так чему ты улыбалась? Минуту назад ты скрежетала зубами, и вдруг эта пугающая улыбка, похожая на оскал. Что задумала?

Чертов экстрасенс.

– Я просто подумала, что я и вправду засиделась в своем болоте. Перспектива провести выходные так, чтобы после было, что вспомнить, мне нравится. К тому же ты действительно привлекательный мужчина. Так что я нашла плюсы в твоей затее. Всегда хотела попробовать себя на сцене.

– Вот, – он озарил улицу широкой улыбкой, – а я о чем? Будем шалить.

– Будем, – согласилась я и отвернулась, чтобы скрыть новый приступ кровожадной радости.

Чуть позже я стала счастливым обладателем коробки шоколадных конфет и ста рублей, которые мне сунули со словами:

– Держи, зануда.

– Я их честно выиграла, – ответила я, пряча купюру в карман.

– Ничего, я еще поглумлюсь над твоими попытками быть достоверной, – пообещал мне шеф. – Куда дальше? – я пожала плечами, и Костик решил за нас двоих: – Будем бродить по улицам, держась за руки. По-моему, очень романтично. Как считаешь?

– Будем бродить, – согласилась я.

И мы, взявшись за руки, неспешно пошли по улице, особо не выбирая направления. Костя нес мою коробку конфет, а я поглядывала на него время от времени, размышляя, о чем нам можно поговорить, и не видела ни одной общей темы, кроме работы. Но мы ведь сейчас не начальник – подчиненная, мы знакомимся заново, как сказал шеф. Однако спросить о детстве как-то не поворачивался язык, а больше я ничего не смогла придумать.

– Смотри, кофейня, – прервал молчание КГ. – Давай-ка, зайдем туда и посмотрим, где ты работаешь. Точней... – он посмотрел на меня и подмигнул: – Где началась наша любовь.

– Безумие какое-то, – сказала я себе под нос, и меня утянули к маленькой уютной кофейне.

Нас встретил негромкий звон колокольчика на двери и запах кофе и корицы. На столах были постелены чистые красные скатерти, и на стенах развешаны небольшие картины с пейзажами.

– Миленько, – констатировал Костик. – Отличное место для зарождения чувств. Что скажешь?

– Да, неплохо, – согласилась я, озираясь по сторонам.

– Продолжим фантазировать.

И мы продолжили. Точней, креативил шеф, а я слушала и фыркала, потому что по его версии выходило так, что это я потеряла от него голову и названивала, привлекая внимание. А он попросту вдохновился моей настойчивостью и сдался на милость победительницы.

– Тоже мне принцесса нашелся, – съязвила я. – Вообще не пойдет. Глупость, а не история. Измором взяла, что тут может быть романтического? Навязалась, а ты решил, что легче ответить, чем прятаться.

– Тогда предлагай! – возмутился Костик. – Критик доморощенный. Сама вообще ни одной версии не дала.

И я дала. В моей версии меня преследовал одержимый маньяк. Он пускал слюни на мою неземную красоту, метил углы и выл под окнами серенады. Ну, фигурально выражаясь. Короче, не давал прохода, и теперь я сдалась на милость победителя. Шеф слушал мою вдохновенную историю, приоткрыв рот. Потом покрутил пальцем у виска и спросил:

– Что за кофе ты себе заказала? Туда что-то подмешали? Это же полный бред!

Я оскорбилась. Моя история вполне отвечала моим фантазиям, а опошлять их и обзывать бредом не позволено даже шефам. Я надулась, Колчановский задумался. Так как я еще переживала крах своей заветной мечты, не воплотившейся даже во вранье другу Костика, то ничего нового мне в голову не шло. Хотя стоит признать,

что мы с начальником как-то часто зеркалим друг друга. Взять ту же «историю любви». Мы говорили об одном и том же, но не желали таскаться друг за другом с розовыми пузырями на губах, отдавая эту роль другому. Но ладно я! Мне положено мечтать о том, чтобы нашелся такой поклонник, который будет закидывать меня цветами и признаниями, а я ломаться и бегать от него. А он догонит и покорит. Непременно покорит! Будет рвать на груди волосы и рычать: «Моя!». Ах...

Но шеф-то у нас мужик, и мужик видный. Еще и с достатком. За ним и так должны увиваться хищницы, потому как жених завидный. Вон, та же Лиза его... Додумать я не успела. Телефон Костика разорвало требовательной трелью. Он достал гаджет из внутреннего кармана пиджака, посмотрел на экран и чему-то усмехнулся, однако на вызов ответил:

– Да, детка... – Лиза – поняла я. Как почувствовала, что о ней думают. КГ помолчал, слушая щебетание своей «резиновой Зиной», после посмотрел на меня и произнес: – Я буду занят эти выходные. Освобожусь, позвоню. Целую.

– Как-то быстро ты, – отметила я.

– Я же с невестой, – весело подмигнул мне шеф.

– Брачный контракт еще не подписан, – напомнила я.

– Зануда.

– Какая есть.

– Не враг давал, сам ковал, – глубокомысленно произнес Костик и покивал на народную мудрость, соглашаясь с ней. – Допила кофе? Идем.

– Куда?

– Контракт писать. Похоже, пока он тебе душу не начнет греть, ты с места не сдвинешься. Кстати, – он подозвал официанта, а я преисполнилась внимания, готовая слушать новую идею начальника. – На черта нам изобретать велосипед? Нам не нужны замороченные и неправдоподобные истории. Поэтому пойдем естественным путем. Что скажешь?

В этот момент подошел официант. Я подождала, пока шеф рассчитается по счету, отметила, что на чаевые он не пожадничал, и, как рачительный бухгалтер, вздохнула, глядя на впустую растроченный ресурс. Ну да ладно, чужие деньги мы считать не будем, нас свои еще ждут. Костик первым поднялся из-за стола, затем помог встать мне, галантно отодвинув мой стул, и я даже немного задрала нос, когда заметила слегка завистливый взгляд двух женщин, сидевших за соседним столиком. Да, милочки, этот мужик мой... со мной. На целых два дня. И я даже никому не смогу рассказать об этом! Досадно.

– Ау, душа моя, что-то ты притихла, – с иронией позвал меня шеф. – Коньячок отпустил?

Я независимо повела плечами и первой направилась на выход из кофейни. Костик опередил меня, открыл дверь, и я вышла на улицу, чувствуя себя королевой. Правда, ненадолго, потому что шеф, взяв меня за руку, окинул оценивающим взглядом и задумчиво произнес:

– Может все-таки приодеть тебя? Как-то удручает меня твоя унылая блузка. И этот плащ...

– Ага, как в кино, – покивала я. – Ты такой на диванчике с кофе, вокруг бегают продавцы и облизывают тебя. Я кривляюсь в разных нарядах, а ты только вертишь пальцами, типа, не то, а это в точку. И всё это под песню «Pretty Woman».

Колчановский остановился и воззрился на меня изумленным взглядом, я ответила вопросительным.

– Слу-ушай, – протянул шеф. – Я даже не подозревал, что ты такая ядовитая. Думал, милая тихая девочка, послушная и старательная. А ты язва, – он покачал головой. – Нет, Вера, ты не блошка, ты... кактус.

Я прищурилась, вглядываясь в холеное самодовольное лицо Колчановского, сиявшее белозубой улыбкой. А ведь явно хотел назвать гадюкой... После освободила руку и, развернувшись, зашагала прочь. С меня хватит. Мое терпение дало сбой, и выносить дальше шутки своего начальника я больше не желала. Черт с ней, с премией, обойдусь. И с этой работой тоже, найду другую. Не в этом

городе, так в другом. Я умею сжигать мосты и начинать всё заново. В понедельник напишу заявление на увольнение, всё равно он мне не даст уже работать у себя. Накопления у меня имеются, так что с голым задом не уйду.

Оглядев себя, я остановилась. Сумочка! Моя сумочка осталась дома у КГ. Да и плевать, я снова зашагала вперед. Всё можно восстановить: и паспорт, и карты. Ключи только от съемной квартиры... Ерунда, переночую у подруги, а завтра найду слесаря. Он и старый замок откроет, и новый поставит. Это тоже не проблема.

– Дорогая, – сильная мужская рука легла мне на талию и притиснула к телу самодовольного павиана, носившего человеческую фамилию – Колчановский, – ты кое-что забыла.

На секунду оставив попытки освободиться от начальничьей длани, я бросила на него хмурый взгляд:

– Сумочку? – сухо спросила я.

– Почти. Меня, – ответил он, кажется, и не думая злиться на мой уход.

– А зачем мне чемодан без ручки? – спросила я, уже без всякого страха глядя ему в глаза. – Милый, я тебя бросаю. Всё кончено.

– Черта с два, – уверенно ответил Колчановский. – До понедельника мы – сиамские близнецы.

Я все-таки вывернулась, шлепнула по руке, вновь протянувшейся ко мне, и сделала шаг назад. После покачала перед его носом пальцем, показывая, что не позволю прикоснуться к себе, и шеф нахохлился:

– Злюка.

– А ты – клещ! – сердито воскликнула я. – Клещ и хамло. С меня довольно оскорблений, я увольняюсь. Мне плевать на то, как ты будешь выкручиваться. В конце концов, если разок проиграешь, ничего с тобой не станет. А я больше не хочу выслушивать неприятные эпитеты в свой адрес. И не надо делать невинные глаза, я вас насквозь вижу, Константин Георгиевич, – он с интересом наблюдал за мной. – Вы никогда не сможете изобразить

влюбленность. А знаете почему? Да потому что вы никогда не любили, никогда и никого. Любовь к себе не считается, – отмахнулась я, заметив, что Костик готов возразить. – Вы даже не представляете, как можно влюбиться, раз вам нужно придумывать версии.

– Ради справедливости замечу, что ты тоже не показала особой осведомленности в этой области человеческих отношений, – прервал меня шеф. – И твоя история мало отличалась от моей, разве что поменяла плюс на минус.

– То есть я унылая, невзрачная не-женщина, еще и без фантазии?! – взвилась я. – А знаете что?! Идите вы в... в баню, – выдохнула я, развернулась и, сунув руки в карманы, устремилась от уже бывшего начальника прочь. Вопрос смены работы я считала решенным.

– Зарплата за полгода, включая все премии, – услышала я, когда успела отойти на пару метров и... остановилась. Черт.

Медленно обернувшись, я с полминуты рассматривала Колчановского. Затем неспешно приблизилась к нему и склонила голову к плечу. Мне вдруг стало любопытно, сколько он выиграет, если с такой легкостью готов сорить совсем немаленькой суммой. Хотя немаленькая она, конечно, для меня...

– Вы чего ко мне прицепились? – спросила я, тем не менее, сбавив обороты. – Наймите актрису, и то дешевле выйдет.

– Я не могу лапать незнакомую мне женщину, – ответил Костик. – Тебя я знаю, привык. Сашка с ходу вычислит, что я пришел с чужой для меня женщиной. Я не хочу рисковать.

– Но я ведь тоже чужая...

– Ты – мой бухгалтер. Работаешь на меня два года, и я тебя выбрал.

Я открыла рот, чтобы спросить, что это значит, потеряла бдительность, и оказалась снова притиснута к телу лже-жениха. Он уверенно повел меня в обратном направлении, и я не сразу

заметила это, продолжая пялиться на Колчановского – слишком уж странно для меня прозвучала его фраза.

– Поясните, – потребовала я.

– Хорошо, – мы как раз остановились, пережидая, когда загорится зеленый, и шеф, бросив на меня взгляд, заправил мне за ухо прядку волос. – На самом деле, ты – не случайный выбор. Я подошел к этому делу ответственно. Лизу я отверг сразу. Во-первых, она является тем типом женщин, которых высмеял мой друг, а во-вторых, услышав слово – невеста, она примет это за чистую монету и вынесет мне мозг, а он мне слишком дорог. Ну ее. Нанятую актрису я тоже отверг. Мало того, что я действительно не хочу провести с незнакомой мне женщиной два дня в близком общении, так я еще не представляю, насколько она будет благонадежна. Не хочу рисковать ни своей репутацией, ни спокойствием. И тогда я обратил взор на тех, кто меня окружает, точнее, работает на меня. Присмотревшись к женщинам нужного мне возраста, я остановился на тебе. Ты не болтлива, по крайней мере, среди офисных трещоток и сплетниц замечена не была. Достаточно сдержана, особо близко к себе никого на работе не подпускаешь. У тебя есть свой круг общения, и за него ты не выходишь. Прилежная, старательна, не скандальна. Вдобавок миленькая, что имеет дополнительный плюс. Я навел о тебе справки, понаблюдал некоторое время и уверился в своем выборе. Ты мнеходишь.

– Отлично, – хмыкнула я. – Значит, я все-таки миленькая?

– Когда не занудствуешь, – усмехнулся начальник.

Мы уже перешли дорогу и двигались к его дому. Я, в общем-то, уже успокоилась, и признание Колчановского даже немного польстило мне. Может, он и не рассматривал меня, как женщину, но оценка личностных качеств мне понравилась – она была достаточно точной. Однако...

– Ты следил за мной, – уверенно произнесла я.

– Ну, я бы так это не назвал, – пожал одним плечом Костик. – Я наблюдал и делал выводы. Следить у меня нет времени. Для этого

есть специально обученные люди. Я нанял частного детектива.

Я остановилась и воззрилась на шефа. Он повернулся ко мне и развел руками, спрашивая: «Что?». Медленно выдохнув, я покачала головой. Это выходило уже за грань моего понимания. Что вообще творится в голове у этого человека?! Ради того, чтобы выиграть спор с приятелем, он готов тратиться на слезку, на оплату услуг лже-невесты, терпеть ее в своем доме и имитировать любовь с совершенно чужим для него человеком, которого даже не воспринимает, как женщину. Нет, я решительно ничего не понимаю. Ни-че-го!

– Что ты получишь, если выиграешь спор? – прямо спросила я, пытаюсь понять своего начальника.

Нет, конечно, можно было возомнить, что всё это ради того, чтобы сблизиться с моей неотразимой персоной. Что на самом деле КГ давно и безнадежно влюблен в своего бухгалтера, и сейчас готов стоять на голове, чтобы заполучить желанную женщину. Я даже почти услышала треск волос, вырывааемых с широкой начальничьей груди, и рев дурниной: «Моя!». Однако для таких фантазий я была слишком трезвомыслящим человеком. И как бы ни мечталось в тишине моей спальни о неземной любви, которую я могу пробудить в мужчине, но мечты оставались мечтами, и в реальной жизни ничего подобного ждать не приходилось.

Да и имей Колчановский ко мне интерес, он бы вряд ли стал разыгрывать весь этот спектакль со спором. К тому же он уже признался, что на работе он работает, и интрижек вне офиса ему вполне хватает. Нет, он не врал – Костик действительно поспорил с другом, и теперь из кожи вон лез, чтобы не опростоволоситься и выиграть. Вот это было реальностью, а не те бредни, которые мне на секунду пришли в голову. Потому я отмахнулась от блажи и снова воззрилась на шефа, ожидая его ответа.

– Во-первых, это дело принципа, – чуть помедлив, ответил Колчановский. – Это долгая история, и по сути тебя никак не

касается. Твоя задача помочь мне, получить свое вознаграждение и наслаждаться жизнью и воспоминаниями.

– Обалдеть, – покивала я, – воспоминаниями в первую очередь, куда без них. А что во-вторых?

– Я с тобой не разговариваю, – фыркнул Колчановский. – Я обиделся. Ты не оценила своего счастья, меркантильная женщина.

И только я открыла рот, чтобы снова съязвить, как меня взяли под руку и дернули с места, словно репку из грядки. Я попыталась упираться и высказать протест против такого обращения с бухгалтерами, но шеф теперь хранил гордое молчание. Он снова обнял меня за талию, приподнял над землей и легко понес в сторону своего дома. Такой способ передвижения меня не устроил, и я пообещала без тени иронии:

– Не отпустишь, разведусь еще до субботы.

– Пойдешь сама?

– Пойду, но вопрос остается открытым, – заверила я, и меня вернули на земную твердь.

Независимо потрянув головой, я зашагала в нужную шефу сторону, и больше он не стал хватать меня ни за руки, ни за талию. Шел рядом, как приличный человек, и продолжал молчать. О чем думал Костик, не знаю, но физиономия у него была сосредоточенная. Я поглядывала на него время от времени, и, пользуясь затишьем, заново изучая знакомое лицо.

Я привыкла видеть его непроницаемую маску. Иногда лицо Колчановского казалось усталым, и это, пожалуй, была единственная эмоция, которую я привыкла на нем видеть. КГ мог вежливо улыбнуться, мог нахмуриться, изучая документы, но никогда не издавал громких звуков: не смеялся, не орал, не стучал кулаком по столу. Это был индеец. Не вру! Всегда уравновешенный, он не повышал тона, даже если был зол. Чеканил слова, был сух, иногда отстраненно холоден, и потому воспринимался не то, чтобы не человеком, но чем-то вроде каменного истукана, которому мы дружно поклонялись всем коллективом.

Я знала, что некоторые мои коллеги женского пола были если и не влюблены, то совсем не против «замутить» с шефом. Он, как сказал сам, не замечал никого, и это порождало тихие сплетни, порой совсем не добрые. Уязвленные красавицы мстили за невнимание и равнодушные колкими замечаниями в адрес пассий Колчановского. Иногда проходились и по нему, но шепотом и в компании единомышленниц. Правда, посудачить с ними любили и мужчины. Да кто не любит перемыть кости начальству?! Все мы люди. Ну вот и наши время от времени обсасывали шефа и его слова и поступки во всех подробностях. Я больше молча слушала, предпочитая воздерживаться от сплетен. И это привело меня в пособники афериста...

Но, в общем-то, я не об этом. Просто я вдруг увидела в Колчановском живого человека. Всё его поведение в этот вечер, эти шуточки, подначки... Будто я с другим человеком общаюсь. Я еще раз пригляделась к шефу и спросила с подозрением:

– У тебя случайно нет близнеца?

– Нет, близнеца нет, – рассеянно ответил Костик. – И не близнеца тоже. Я вообще один такой. Эгоист.

– Самокритично, – с уважением отозвалась я.

Он покосился на меня и спросил:

– А у тебя?

– Нет. Я у себя одна.

– Сам по себе бухгалтер, – усмехнулся шеф, переиначив фразу из мультфильма: – Свой собственный.

– Все мы в какой-то степени сами себе бухгалтеры, – философски заметила я.

– За это стоит выпить, – подмигнул Костик, открывая передо мной дверь подъезда. – По коньячку?

– Сначала контракт.

– Зануда, – коротко вздохнул Колчановский.

– Я за безопасные отношения, – возразила я.

– Верный подход. Риск – дело благородное, но необязательное. –
Согласился со мной шеф, и мы вошли в лифт.

Глава 4

В этот раз никто из соседей нам не попался, и до квартиры Костика мы добрались без новых репетиций и вранья. Даже не разговаривали. Я пялилась на собственное отражение в зеркальной стене лифта, пытаясь понять, что не так с моим плащом и блузкой. А мой спутник, привалившись плечом к стенке лифта, прикрыл глаза и, кажется, отключился от внешнего мира.

Я посмотрела на шефа в зеркальное отражение и развернулась к нему. Вид у Костика мне показался усталым. Мне стало его жалко, вот так вот, чисто по-женски, когда хочется обнять и сказать, что всё будет хорошо. Я даже сделала к нему шаг, но остановилась, вспомнив, как КГ умеет портить момент неожиданным замечанием. Вновь осмеянной или быть награжденной новым прозвищем мне не хотелось, и я вернулась к созерцанию своего плаща. После пожала плечами – хороший плащ. Мне нравится. И блузка тоже. Скромная и со вкусом. Моим. А к своему вкусу я относилась с уважением.

Лифт остановился, добравшись до своей цели, и Костик открыл глаза. Он посмотрел на меня и сделал приглашающий жест:

– Прошу, Вероника Андреевна, приехали-с.

– Благодарю, дружок, – вырвалось у меня как-то само собой.

Колчановский фыркнул и ядовито ответил:

– После подобных слов, сказанных высокомерным тоном, положено давать на чай.

– Сотка моя, – ответила я. – И как насчет – гусары денег не берут-с?

– У них просто не было бухгалтера, – невозмутимо возразил Костик. – Мой мне запрещает игнорировать деньги. Запрещаете, Вероника Андреевна?

– Запрещаю, – не стала я спорить. – Из ваших денег складывается моя зарплата. Берите, голубчик, но не у меня. Откуда деньги у бедного бухгалтера? До понедельника полковник Кудасов нищ.

Колчановский окинул меня взглядом, после с усмешкой покачал головой и подтолкнул в сторону своей квартиры:

– Ступайте, полковник, вам еще нужно харч заработать. За даром, как вам известно, даже прыщ на носу не вскочит.

– Меркантильный вы все-таки тип, Константин Георгиевич.

– Да и ты не добрая самаритянка, – заметил шеф, и мы вошли в квартиру.

«Жених» помог мне раздеться и указал взглядом на гостиную, где на столике тосковал оставленный без внимания коньяк. Я покосилась на него и отрицательно покачала головой, не позволив заманить меня полезной жидкостью – я больше не тряслась и не волновалась. Сознательно или нет, но Костик неплохо расслабил меня нашей прогулкой и общением. Мы вообще как-то легко и быстро приспособились друг к другу.

– Голодная? – донесся до меня голос шефа. – У меня тут есть ужин, могу разогреть.

– Нет, спасибо, – отозвалась я, рассматривая святая святых – жилище начальника. От первого визита у меня почти не осталось воспоминаний. Рассмотреть в своем волнении я успела только спинку кресла и компьютер, потому что на них пялилась больше всего, когда коньяк помог мне выйти из ступора.

– Зря. Моя Аннушка отлично готовит.

Колчановский появился в дверях с заурядным бананом в руке. Он откусил кусок, глубокомысленно пожевал, рассматривая меня, а затем мотнул головой:

– Идем, напишем тебе твой договор и займемся делом. Мне нужна реальная история о начале и развитии отношений. Так что пока я буду выполнять твой каприз, недоверчивая моя, ты поработаешь головой и изложишь мне новую версию нашей любви. Задача ясна?

– Предельно, – кивнула я и последовала за шефом.

Вскоре, выслушав мои пожелания, он приступил к работе, велел мне не отвлекаться. Не отвлекаться было сложно, мой взгляд то и

дело норовил остановиться на мониторе и посмотреть, что там клацает КГ. Доверия я к нему не испытывала.

– Думай, Вера, думай, – постучал шеф мне по лбу указательным пальцем.

После усадил на свое кресло, но только я вцепилась пытливым взглядом в содержимое монитора, как меня укатили к окну и оставили там «вдохновляться природой и вечерним городом». Сам Костик вернулся к компьютеру, пододвинул себе мой прежний стул и вернулся к работе, а я устремила взгляд в окно. Вид совершенно не вдохновлял ни природой, которой толком не было, ни вечерним городом, наполненным выхлопными газами, шумом и суетой.

Но кресло мне понравилось. Удобное. Потому, покрутившись на нем для развлечения, я развернулась к шефу и потребовала внести еще один пункт:

– Хочу такое же кресло в свой кабинет. Запиши, пожалуйста.

– Аппетиты-то растут, – усмехнулся он, не глядя на меня.

– Хочу такое кресло, – повторила я и снова отвернулась к окну.

От нечего делать я и вправду начала выполнять распоряжение начальника, то есть думать. Наша история постепенно складывалась в моей голове ровными строчками, такими же, какие бежали по нашему договору. И пока я не вчитаюсь в эти строчки, Костик даже под пытками не вытащит из меня новой версии. Пусть помучается, как я сейчас, разделенная с вожделенным «брачным контрактом» вынужденным расстоянием. От этой мысли я умиротворенно вздохнула и почувствовала прилив благодущия.

Спустя полчаса правок и уточнений, договор попал в мои руки. Костик уселся на подоконник и воззрился на меня, но теперь его игнорировала я. У меня было более важное занятие, чем играть с шефом в гляделки и удовлетворять его тягу к знаниям.

– Ну? – напомнил он о себе.

– Что? – спросила я, не отрывая взгляда от своего экземпляра.

– Что надумала?

Я подняла на него рассеянный взгляд и снова вернулась к договору. Костик, совершенно несогласный с таким пренебрежением к его персоне, слегка попинал ногой кресло, и я отъехала от окна, так и не посмотрев на него.

– Вера!

– Тс-с, – я приложила палец к губам, – вы мне мешаете, Константин Георгиевич.

– Это моя квартира, мое кресло и мой бухгалтер, – напомнил шеф о своем приоритете.

– Да-да, разумеется, – покивала я и развернулась к нему. – Меня не устраивает формулировка в пятом пункте. Что это за размытые фразы? «Наниматель гарантирует Исполнителю рабочее место с сохранением оклада», – прочитала я и посмотрела на Колчановского.

– То, что ты и хотела. Я даю гарантию, что ты останешься моим работником, – он пожал плечами, и я отрицательно покачала головой:

– Нет, так не пойдет. Ты можешь засунуть меня в филиал или же перевести на другую должность с сохранением оклада. То есть в перспективе я могу получить место уборщицы в твоей компании с окладом бухгалтера. Меня это не устроит, но возразить у меня причин не будет, потому что ты выполнишь этот пункт, и тогда мне придется уволиться. А последняя запись в моей трудовой будет гласить, что я переведена из бухгалтеров в технический персонал, так? И куда я устроюсь с таким понижением? Нет, Константин Георгиевич, это всё никуда не годится. Возьмем первый пункт...

– Что тебя не устраивает в первом пункте? – спросил КГ, сверля меня пристальным взглядом.

– А то, что вы наделяете себя исключительными правами, как на оценку действий Исполнителя, так и на расторжение договора в одностороннем порядке без выплаты неустойки. Кстати, сумма неустойки вами приравнена к сумме вознаграждения. Вы, в любом случае, остаетесь при своих, а я с сомнительными перспективами

уже на ближайшее будущее. Вы царь и бог, а я просто мелкая сошка, которая и рта открыть не сможет? Вы составили наш договор в свою пользу, мне же достались сомнительные условия, по которым я могу не получить ничего, еще и остаться без работы. Это лишает вас не только моего доверия, но и согласия на участие в аванюре.

Он прищурился и склонил голову к плечу.

– Это всё, что тебя не устраивает?

– Нет, – я посмотрела на текст договора и подняла на него взгляд: – Где мое кресло? Вы даже этого мне не дали.

– С тех денег, что я заплачу тебе, ты сама можешь купить себе кресло, – возмутился Костик.

– А я их получу?

– Читай внимательней, – он отлепился от подоконника, подошел ко мне и отнял лист с «брачным контрактом». – Наниматель берет на себя право разорвать сделку без возмещения неустойки в случае ненадлежащего исполнения своих обязательств Исполнителем. Если ты вздумаешь уехать до окончания выходных, выдашь наш секрет или будешь игнорировать свои обязанности...

– Распишите. Вот всё это и распишите. И вообще, давайте работать вместе, тогда мы быстрее закончим с договором и перейдем непосредственно к нашей истории.

– Черт с тобой, – с раздражением буркнул Костик. – Я тебя кидать не собирался, а на всю эту блажь мы только теряем время.

Всё это он говорил, усаживаясь к компьютеру. Я подъехала на облюбованном кресле, даже не собираясь возвращать его хозяину. И вот после этого работа закипела. Я в жизни бы не подумала, что могу повысить голос на своего начальника. Наша ссора у кофейни не в счет, там всё было по-другому. А теперь мы разговаривали привычным деловым тоном. И если Колчановский был непробиваемо спокоен, то во мне всё кипело от возмущения, желания настоять на своем и... азарта.

– Да что вы всё виляете?! – восклицала я, тыкая пальцем в монитор. – Мне нужен предельно честный и открытый договор!

– Вы считаете, Вероника Андреевна, что я не умею составлять контракты? – сухо вопрошал шеф.

– В том-то и дело, что умеете! – негодовала я, вскочив с кресла и снова упав в него для сохранения насиженного места. – Отлично умеете, потому я сражаюсь с вами за каждую букву!

– Так может, вы всё же доверитесь моему профессионализму?

– Вот еще! Вы – пройдоха, Константин Георгиевич, и я не доверила бы вам даже посмотреть за моей сумочкой, потому что потом обнаружила бы ее в перечне вашей собственности.

– Хамите, Вероника Андреевна?

– Простите, конечно, Константин Георгиевич, но это вы хамите, упорно пытаюсь выставить меня доверчивой душой. Меняйте этот пункт!

– Какая же вы невыносимая... зануда. Теперь довольны?

– Нет, разумеется.

– Чего еще вам не хватает для полного счастья?

– Кресла.

Колчановский откинулся на спинку стула и, скрестив на груди руки, ответил мне непроницаемым взглядом.

– А вы еще и жмот, – заметила я.

– После того, как вы вырвали у меня из глотки проценты за достоверность?

– А кресло зажали.

Он прищурился, нацелил на меня палец и впервые за последние пару часов проявил эмоции. Шеф протянул с чувством глубокого возмущения:

– Ах ты, маленькая пиранья!

– Жмот.

– Да получай ты свое кресло! – почти зарычал начальник, и в пункте о вознаграждении появилось дополнение – офисное кресло с его названием и стоимостью.

Я присвистнула, а шеф посмотрел на меня едва ли не с ненавистью. Я удовлетворенно вздохнула и ответила ему счастливой

улыбкой – теперь моя душа была спокойна.

– Распечатывайте и подпишем, – сказала я. – Кстати, у вас есть печать? Надо бы еще заверить...

Костик, протянувший руку к компьютерной мышке, обернулся ко мне и произнес совершенно равнодушным тоном:

– Убью.

– А?

– Беги, Вера, – посоветовал КГ.

– Куда? – наивно спросила я.

– Лучше в спальню, там можно закрыться изнутри. Вторая дверь по коридору, – серьезно ответил он, поднимаясь с места. – На кухне я тебя достану.

Я смотрела на начальника, хлопая ресницами и не понимая, шутит он или нет. Костик выдохнул, закрыл глаза, и губы его зашевелились. Я расслышала, как он считает. А когда он добрался до десяти, то веки шефа поднялись, и он, заметив меня, изрек:

– Не помогло, – и заорал: – В спальню!

– В каком смысле... – начала я, и на пол полетели папки, лежавшие на столе.

– Живо! – гаркнул Колчановский, и я, сообразив, что довела своего непробиваемого начальника, вскочила с кресла и рванула в указанном направлении.

Я влетела в спальню и повернула в замке ключ, отгораживаясь от взбешенного Костика. После прижалась ухом к двери и заговорила:

– Константин Георгиевич, убийство – это не метод решения конфликта. Вам нужно успокоиться...

– Не высовывайся! – рявкнули в ответ. – И помолчи хоть немного.

Послушно замолчав, я огляделась. Затем прошла к кровати и уселась на нее, сложив на коленях руки. Мне было неловко, все-таки спальня – это место интимное. Костик тут спит и не только... Мои глаза округлились от этой мысли, и я сжала заалевшие щеки, потому что я так ярко представила, как он тут с какой-нибудь женщиной...

Это было словно подглядывать в щелочку: стыдно, но рассмотреть подробности очень хочется.

– Фу, – передернула я плечами, стараясь хотя бы сделать вид, что мне противно, но все-таки подпрыгнула на кровати, проверяя ее на прочность и мягкость. Затем окинула взглядом ширину барского ложа и завалилась на спину, раскинув руки. Кровать мне понравилась, как и кресло – жаль, что уже договор дописан...

Но тут я душой покривила. Кровать шефа была мне не нужна, да и наглости бы не хватило потребовать еще и ее. Я прислушалась, но за дверьми не было слышно ни урагана, ни ругани, ни тяжелого дыхания маньяка-душегуба. И тогда я немного осмелела. Вернулась к дверям, повернула ключ и осторожно выглянула в коридор, но в квартире царила тишина. Костик с топором в засаде тоже не обнаружился. Решившись, я подкралась к кабинету, заглянула туда...

– Какая непослушная Вера, – он развернулся в мою сторону на отвоеванном кресле.

Шеф скрестил на груди руки, и с иронией во взоре наблюдал за мной. Я скользнула взглядом мимо него. На столе лежали два экземпляра нашего договора. Я снова посмотрела на Колчановского и покачала головой:

– Ай-яй-яй, господин начальник, как нехорошо издеваться над маленькими. Значит, удалили меня, чтобы вернуть себе трон?

– На троне может восседать только один король, – со значением ответил Костик. – Но бесить ты меня и вправду начала. Хотелось доработать в тишине и без надзора. Было страшно?

– Ничуть, – солгала я.

– Врушка, – он хмыкнул и опять развернулся к столу. – Видела бы ты свои глаза. Как у японской анимешки.

Я фыркнула и подошла к столу. После взяла распечатанный договор и перечитала. Росчерк Колчановского тут уже красовался. Чуть поколебавшись, я подписалась рядом со своей фамилией. За моим плечом вздохнули с явным облегчением. Обернувшись, я посмотрела на шефа со смущенной улыбкой.

– Подписание контракта принято отмечать, – подмигнул он. – Предлагаю этим заняться прямо сейчас. Только прихватчу кое-что и пойдём.

– Куда? – немного опешила я.

– Отмечать, – ответил он и покинул кабинет.

А спустя несколько минут окликнул меня. Костик обнаружился у входной двери с двумя бокалами и бутылкой шампанского. Он открыл дверь и кивнул мне, предлагая последовать в указанном направлении.

– Куда? – повторила я вопрос, не понимая, чего он теперь от меня хочет.

– К звездам! – с пафосом воскликнул Колчановский. И мы отправились на крышу.

Глава 5

Пока я грызла шефу мозг и нервную систему, сумрак успел захватить город. Уже зажигались фонари, и луна зависла над крышами домов тонким серпом. Я перевела взгляд с неба на своего узаконенного «брачным контрактом» временного жениха, молча удивляясь очередной неожиданной выходке. Почувствовав мой взгляд, он обернулся и подмигнул:

– Пошалим, Малыш?

– Тоже мне – Карлсон, – фыркнула я.

– Ага, у меня и домик есть, – осклабился Колчановский и добавил: – Соседский. Сейчас мы с тобой, чудище-занудище, произведем рейдерский захват чужой собственности.

– В реестр внести? – деловито спросила я, следуя за Костиком.

Он обернулся, отсалютовал мне рукой с бокалами и ответил:

– Мне нравится твоя хватка, солнышко.

– Спасибо, что не детка, – проворчала я, вновь чувствуя себя неуютно, теперь от нового обращения, которое употребил шеф.

– У тебя должно быть милое прозвище, – он снова отвернулся и двинулся к своей цели, продолжая разглагольствовать: – Я еще не определился – какое. Котенок... Так я готов был назвать тебя еще до того, как предложил... шабашку, – Костик, полуобернувшись, хмыкнул, вспомнив название, которое я сама дала его предложению. – Солнышко вроде ничего, но это что-то теплое и ласковое, а ты волк в овечьей шкуре. Милая, дорогая... Ну, это нечто нейтральное. Детка больше подходит подругам вроде Лизы. Нужно что-то этакое... Зайка... Нет. Рыбка тебе подходит больше всего.

– Это, типа, холодная и скользкая? – любопытствовала я.

– Пир-ранья, – пророкотал шеф и клацнул зубами.

– Ой, как страшно, – фыркнула я, проходя мимо него.

– Мне так точно, – усмехнулся КГ. – А ты как будешь меня называть?

Я обернулась, посмотрела на своего «жениха». Хм... Я как-то не думала, что его еще надо как-то называть. Котиком шеф мне тоже как-то не виделся. Змей – да, но уж точно не пупсик или зайчик. Змей и пиранья... Хмыкнув, я развернулась и направилась дальше, правда, недалеко. Впереди показался небольшой садик, разбитый на крыше. В этом садике имелись качели и пара раскладных кресел с высокой спинкой. Вполне себе ансамбль. Мне понравилось.

– Что тебя рассмешило? – спросил Костик, пристраиваясь рядом.

– Да так... – уклончиво ответила я.

Колчановский направился к качелям, успев сунуть мне бокалы. После уселся и похлопал рядом с собой, я спорить не стала. Нам и вправду нужно было привыкнуть друг к другу и сблизиться настолько, чтобы завтра выглядеть парой, которая существует не один месяц и даже собирается пожениться.

– Ты не ответила, – заметил шеф, открывая бутылку шампанского. – Что вызвало твою усмешку? Ты ведь думала о прозвище, которое можешь мне дать на эти выходные. И как же ты обозвала меня?

Я откинулась на спинку качелей и прикрыла глаза, наслаждаясь теплым вечером. Шум вечернего города долетал на крышу лишь слабыми отголосками. Ветерок трепал волосы, выбившиеся из строгого пучка, он ласкал кожу легкими касаниями, погружая в приятную негу. Рядом хлопнула пробка, но я не спешила подать бокалы, не желая нарушить момент умиротворения. Костик сам забрал у меня один из бокалов, и я слушала, как шампанское с тихим шипением льется в хрупкий хрустальный сосуд на высокой ножке. После этого бокал мне вернули и забрали второй. Я вздохнула и открыла глаза.

– За успех нашего мероприятия, – Колчановский поставил бутылку на поверхность крыши и поднял свой бокал.

– За аферистов, – хмыкнула я, отсалютовав ему.

– Отличный тост, – широко улыбнулся Костик, и мы сделали по глотку.

Шампанское было приятным, как и вечер, и я отпила еще немного, смакуя вкус. А затем недоуменно взглянула на шефа, когда он протянул ко мне руку.

– Повернись ко мне спиной, – велел он.

Хотела спросить – зачем, но передумала и доверилась. Он вытянул из пучка шпильки одну за другой, и волосы упали мне на плечи тяжелой темной волной.

– Да, так определенно лучше, – одобрил собственный произвол начальник. – А теперь рассказывай, как ты меня обозвала.

Я усмехнулась и ответила:

– Чингачгук.

– Не понял, – нахмурился КГ. – В смысле, индеец? Вождь краснокожих? Стойкий и невозмутимый?

– Большой змей, – я протянула руку и постучала ему по лбу указательным пальцем.

– Холодный и скользкий? – осознал Костик. – Как рыба? Змей и пиранья... – Озвучив мои мысли, он хохотнул и покачал головой: – Да уж, парочка. Кстати, что там с нашей историей? Пришло время посвятить меня в свою версию. Приступай.

– Сам ты чудище-занудище, – проворчала я. – Такой вечер, а ты всё о деле.

– Это важно, – возразил шеф. – Давай, не жадничай.

Жадничать и вправду смысла не было, потому я выполнила пожелание Колчановского и рассказала более правдоподобную историю, чем те, которые мы с ним генерировали раньше. А было всё так. Жила-была простая девушка Вероника, работала себе в кофейне официантом и работу свою очень уважала. Грустить ей было особо не о чем, кроме одного – рассталась с молодым человеком. Была у них любовь, казалось, на века, но испытание расстоянием не выдержала, ибо возлюбленный нашей девы уехал в дальние дали и, устав от одиночества и верности, сменил приоритеты, о чем рассказал деве, как честный м... человек. В общем, в такой вот тяжелый период жизни девы и появился ОН.

В этом месте я усугубила мелодраму, чтобы придать истории красок. А случилось вот что. Шла Вероника утром на работу, по сторонам не смотрела, ибо страдала от предательства и потерянной любви. Потому пропустила красный сигнал светофора и сиганула прямо под красивое авто, за рулем которого сидел принц. Правда, в тот момент дева красоты и шикарности авто не разглядела, да и водителя едва запомнила.

– Я на тебя наорал, – кивнул Костик. – Точно бы наорал. Это стресс.

– Наорал, – согласилась я и продолжила.

Водитель не успел набрать скорость, и потому дева наша выжила и даже почти не пострадала, испугалась больше. А когда водитель отчитывал Веронику за ее невнимательность, она расплакалась на его широкой груди. Мужчина убавил накал своего возмущения и хотел отвезти деву в больницу, чтобы ее осмотрели, но она отказалась, и тогда он проводил жертву наезда до кофейни. После этого уехал, но бедолагу не забыл.

– Неплохо, – одобрил шеф. – Продолжай.

Следующая их встреча состоялась в той самой кофейне. Костик зашел туда, чтобы узнать, как себя чувствует девушка. Это был выходной день, и шеф был одет проще и неприметней. Без машины дева его не узнала, что Колчановский понял очень быстро. Она бы и машину его не узнала, потому как в своей печали и слезах даже не рассмотрела чертову колесницу, под которую так неосмотрительно шагнула с тротуара. И вот тогда Костик решил поухаживать за девой.

– Почему? – спросил шеф.

– Ну, может от скуки, а может, вспомнив о своем споре. Или приглянулась...

– Да, ты была трогательной, и раз я зашел узнать о твоём самочувствии, значит, зацепила, – внес уточнение Костик. – Да, ты мне понравилась. А когда не узнала, я вспомнил про спор и решил попробовать поухаживать за тобой, как бухгалтер. И что было дальше?

Дальше он начал заходить в кофейню. Всегда садился за мой столик, и в какой-то момент я начала ему улыбаться искренне. Мы иногда перебрасывались ничего не значащими фразами, спрашивали, как дела друг у друга и желали удачного дня. А однажды он предложил мне встретиться после работы.

– Ты, конечно, согласилась?

– Разумеется... нет, – усмехнулась я. – Я же еще в печали.

– Много чести изменнику, когда вокруг вьется такой примечательный шмель, – не одобрил моего отказа Колчановский.

– Я его любила, – возразила я. – Мы даже собирались пожениться. И, между прочим, в отличие от этого павиана, хранила верность. Я – девушка порядочная. Так что имею право поломаться.

– Но я не сдался?

– Ну, раз мы вместе, то не сдался.

Костик не появлялся после этого неделю, и я заметила его отсутствие, даже в окно поглядывала, надеясь увидеть знакомый силуэт. Однако дни шли, а он нет. За эту неделю я поняла, что больше скучаю по улыбке посетителя, чем по предателю-жениху. И когда на восьмой день шеф пришел в кофейню, я была обрадована, смущена и не знала, как себя вести. Потому обслужила, как любого посетителя, но не выдержала и все-таки спросила, не случилось ли у него чего-нибудь? Ведь его не было целую неделю! Он ответил, что всё хорошо, и что уже соскучился по... кофе, приправленному моей очаровательной улыбкой.

А вечером он ждал меня с милым букетиком фиалок. Это я обнаружила, когда кофейня закрылась, и я направилась домой. Он стоял неподалеку от двери, ожидая моего появления. Я, конечно, жутко смутилась, и прятала глаза, но мне было приятно, и от предложения прогуляться отказываться уже не стала.

– А я молодец, – хмыкнул Колчановский. – Неплохая политика. Дал время осознать и прочувствовать. Очень неплохой ход.

– Это моя фантазия, между прочим, – напомнила я.

– Ты тоже молодец, – согласился павлин. – Продолжай.

Ну, в общем, так наши отношения и начались. Новый возлюбленный окружил меня вниманием и заботой. С ним было легко и весело, и я совсем забыла о вероломном женихе. Смущало одно – мой новый ненаглядный никогда не приглашал меня к себе в гости. Мы могли прожить несколько дней у меня, но к нему ни разу не заходили. На мои вопросы он отшучивался и говорил, что свою холостяцкую берлогу приличной девушке показывать стыдно.

Всё открылось случайно. Однажды я оказалась у того самого бизнес-центра, где трудился мой бухгалтер. Хотела позвать его на кофе во время обеденного перерыва... Да-да, влюбленные девушки любят делать сюрпризы. Я стояла на парковке и, набрав его номер, услышала знакомую мелодию звонка. Обернувшись, я увидела Костика в дорогом костюме возле еще более дорогого авто. Он меня не видел, потому сказал, что безумно рад моему предложению, но шеф загрузил его работой по горло, и выйти ко мне любовь моя не может.

Разговаривая со мной, он обернулся в мою сторону, и мы встретились взглядами. Я, конечно, психанула, решив, что он всё это время играл со мной, и что никакой любви нет, только развлечение. Сказав, что между нами всё кончено, я бросилась прочь. Он за мной.

– Какая мелодрама, прямо, как в романе, – осклабился Костик. – Но всё супер. Что там было дальше? Поймал, сжал в объятьях и сказал, что никуда не отпущу?

– Примерно так, – кивнула я и успокоила его: – На колени не становился.

– Уже хорошо, – одобрил Колчановский.

В общем, мы все-таки поговорили. Костик исповедался, признавшись, что я чуть не самоубилась под колесами его машины, и что после этого он не смог забыть обо мне, но хотел чистых отношений, потому и представился бухгалтером компании, которая принадлежит ему. А еще, что он бы непременно мне всё рассказал, просто не знал, как теперь признаваться, что всё это время водил меня за нос.

Помирились, короче. Он, наконец, пригласил меня к себе домой, но я какое-то время чувствовала себя неловко, не зная, как быть дальше. С одной стороны между нами не осталось тайн, а с другой – теперь это был не мой Костик, а неведомый господин Колчановский. Не хотелось, чтобы он думал, что мне важны его деньги, потому теперь сама не спешила к нему домой, и от дорогих подарков отказывалась. Даже когда он предложил мне выйти за него, отказалась по той же причине. И вообще в какой-то момент решила с ним расстаться.

– Вот... логика, – развеселился шеф.

– Нормальная такая логика. Женская, – пожала я плечами.

Костик попытался наладить со мной отношения, но я избегала его, пока не измучила нас обоих. И когда однажды обнаружила его пьяного под дверью своей съемной квартиры, прогнать не смогла. Он сказал, что не может без меня, и я, размазывая слезы и сопли, призналась, что мне без него очень плохо. Он остался у меня до утра, а потом ушел. Но ближе к вечеру явился в кофейню и вот там уже встал на одно колено, прося меня при всех выйти за него замуж.

– Ты не устояла.

– Точно, – я улыбнулась. – Все поехали, я прослезилась и сказала «да». Теперь мы жених и невеста, и не можем прожить друг без друга не единого дня.

– Ах, – вздохнул Колчановский и... расхохотался.

Я насупилась, но вскоре хмыкнула и допила шампанское в своем бокале. Колчановский налил мне еще, после себе и провозгласил тост:

– За самую романтическую пиранью!

– И за ее трепетного змея, – отозвалась я.

Мы чокнулись. Костик вальяжно откинулся на спинку качелей. Он устремил взгляд в потемневшее небо и умиротворенно вздохнул – часть его плана, наконец, воплотилась в реальность. О чем он думал, оставалось неизвестным, а я снова обдумывала нашу историю, теперь обретавшую плоть, и кое-что начало вызывать беспокойство.

Если мой шеф не любил проигрывать, то как к проигрышу относился его приятель? Что, если захочет проверить нашу сказку? Кофейню найти не сложно, а я ведь там «работала», и значит, персонал не может меня не знать. Об этом я и спросил Колчановского, прервав его блаженное расслабленное состояние.

– Ерунда, – отмахнулся он. – Сашка не будет наводить справки. Этот спор не имеет какой-то крупной ставки. Так... больше по привычке. Для меня выиграть – дело принципа, потому я сучусь, а для него развлечение.

– А почему для тебя важно выиграть?

– Я же говорил – это долгая история. Не забивай голову. Ты вообще про этот спор как бы и не знаешь. Меня больше другое интересует. – Я ответила внимательным взглядом: – В нашей легенде часть твоей настоящей истории? Про жениха, так? Ты ведь приехала сюда, неожиданно бросив родной город, работу, друзей. В одно мгновение собралась и рванула на новое незнакомое место. Это мой детектив раскопал, но я не давал ему указаний углубляться. Однако для такого побега должна быть причина, и мне показалось, что причина для нашего выдуманного знакомства может быть взята из реальной жизни. Поделишься?

Я поставила недопитый бокал на поверхность крыши и развернулась к шефу. Он ждал моих откровений, а мне совсем не хотелось открываться. Костик вопросительно приподнял брови, и я поджала губы, рассматривая его.

– Я попал в цель? – с улыбкой спросил Колчановский.

И мне в голову пришла шальная мысль. Пузырьки шампанского уже щекотали мозг, догоняя давно притихший коньяк. И месяц над нами был такой... ясный. И звезды выбрались на небосклон, показав свои любопытные мордочки. А еще на крыше было уютно, и мужчина, сидевший рядом со мной, был таким обычным, таким... симпатичным. И смотрел он на меня с улыбкой. Вопросы, правда, задавал ненужные, и это портило вечер, вдруг ставший приятным. Мне не хотелось что-то портить, и я...

Подавшись вперед, я обняла лицо шефа ладонями и прижалась к губам. Он опешил, я почувствовала это по напрягшимся мышцам, и отстранилась, так и не дождавшись ответа.

– Ого, – произнес Костик. – Вот это прыть. Я думал, мне придется уговаривать тебя, и вдруг такой напор. Так не хочется отвечать на мой вопрос?

– Надо же когда-то начинать, – ответила я и встала с качелей.

– Ладно, считай, я отстал. Не хочешь рассказывать, не надо. Но у нас еще куча работы. Нам всё равно нужно будет делиться личным, чтобы иметь больше информации. Два человека, которые влюблены и собираются пожениться, должны знать друг о друге если и не всё, то многое.

Не ответив, я отошла к краю крыши и осторожно посмотрела вниз. Там продолжал жить мир. Люди шагали по улицам, мчались автомобили, а я стояла над миром и взирала на всю эту суету, словно небожитель, наполненный исследовательским интересом. Оценив собственное самомнение, я хмыкнула и подумала, что общение с начальником не идет мне на пользу.

Я распрямилась и чуть не вскрикнула, когда мне на живот скользнули мужские ладони. Мой Карлсон успел подлететь, пока я примеривала корону небожителя. Несмотря на то, что в этом направлении первый шаг был сделан мной, сейчас я смутилась. Одно дело заткнуть поцелуем рот, ошеломить, чтобы сбить со следа, а другое – объять мужчину, которого я все-таки немного побаивалась и, если бы не его предложение подработать невестой, ни за что не пыталась бы сблизиться.

– Страшно? – насмешливо спросил Колчановский, прижимая меня к себе.

Я развернулась и постаралась придать взгляду побольше наглости, потому что понимала, что начальник не упустит возможности поиздеваться надо мной за трусость после решительного шага. А еще потому, что это могло вернуть нас к разговору обо мне. И хоть там особо ничего эдакого не было, но пускать кого-то на свою

личную территорию не хотелось. И потому я уместила ладони на плечах шефа и изломила бровь:

– Ну?

– Ну и вот, – ответил Колчановский и склонился к моему лицу.

Закрыв глаза, я ждала, когда шеф поцелует меня, но он всё чего-то тянул. Не выдержав, я открыла глаза. Костик тут же распрямился и нервно хмыкнул.

– Что? – не поняла я.

– Да черт знает, – он выпустил меня из объятий и отступил. После и вовсе отошел. Заложил руки за голову и прикрыл глаза. Я ждала. Наконец, Колчановский обернулся ко мне и произнес: – Как-то это всё... бездушно. И я помню, кто ты.

– В смысле? – я поджала губы, раздумывая, оскорбиться мне сейчас или подождать, что будет дальше.

Костик вернулся, взял меня за руку и утянул назад к качелям. Он сел, я тоже. Сложила руки на коленях и устремила взгляд себе под ноги. Шеф молчал, и я не спешила заговорить. Неловкая пауза затягивалась.

– Ты – мой работник, – все-таки произнес Колчановский. – Когда я собрался тебя поцеловать, то вдруг вспомнил офис, тебя у себя в кабинете... В общем, включился принцип насчет служебных романов.

– Это не роман, – возразила я.

– Я знаю, – отмахнулся шеф. – Надо как-то увидеть в тебе женщину.

– Ну, знаете, – вот теперь я оскорбилась. – Это вы втянули меня в эту историю. Между прочим, я тоже в вас мужчину особо не разглядывала. И целоваться с вами никогда не было пределом моих мечтаний.

Колчановский явно заинтересовался моими словами. Он развернулся ко мне, закинул ногу на ногу и устроил руку на спинке качелей.

– Так значит, ты не видишь во мне мужчину? Все видят, а ты нет?

– Да какой вы мужчина? – искренне удивилась я. – Вы – начальник. Зарплату платите и хорошо. Истукан каменный. Только и можете, что приказывать и отчитывать. Даже не похвалили ни разу, – я даже хлюпнула носом от обиды. – Стараешься, стараешься, спину не разгибаешь, зрение портишь, нервы себе треплешь, а тебе в ответ только новые указания. Тоже мне... мужчина. Женщину он во мне не видит. Да нате, смотрите!

Я вскочила с качелей, сбросила плащ и отошла на несколько шагов. Раскинула руки и покружилась, показывая себя со всех сторон. После расстегнула несколько верхних пуговиц, чтобы стала видна ложбинка между грудями и уперла правую ладонь в бедро.

– Я – женщина, – произнесла я.

– Я вижу, – усмехнулся Костик и сделал глоток шампанского.

Затем неспешно поднялся на ноги и также не торопясь приблизился ко мне, не сводя взгляда. Он поднял руку, провел тыльной стороной ладони по моей щеке, после его рука скользнула мне на затылок, и пальцы зарылись в волосы. Вдруг они сжались, собрав волосы в кулак и оттянув мою голову назад. Я ахнула от неожиданности, и шеф накрыл мои губы своими губами.

Бокал, который он всё еще держал во второй руке, отлетел в сторону, я услышала его возмущенный звон. Освобожденная ладонь, опустившись мне на спину, притиснула меня к сильному мужскому телу, и я вцепилась в плечи Колчановского, чтобы удержаться на внезапно ослабевших ногах. Наш первый поцелуй вышел немного неловким и коротким, мы еще только пробовали друг друга на вкус, знакомились и привыкали. Но, надо заметить, этот проход хищника к трепещущей лани и решительные, чуть грубоватые движения, свое действие возымели. Мужчину рядом с собой я ощутила, очень хорошо ощутила, и оттого дико смутилась. Потому, когда Костик оторвался от моих губ, я поспешно отвела глаза и прикрыла губы подрагивающими пальцами.

– Ух, – непроизвольно вырвалось у меня, и на меня посмотрели уже знакомым самодовольным взглядом.

– С премьерой, Вероника Андреевна, – провозгласил шеф. – Примите мои аплодисменты. И что скажете?

– Вы хорошо целуетесь, – буркнула я и поспешила отойти от Колчановского, негромко хмыкнувшего мне вслед.

Я подняла с качелей свой плащ, снова надела его и зябко поежилась. Костик уже стоял рядом. Он протянул руку, и я подняла на него рассеянный взгляд.

– Идем домой, – сказал он с улыбкой. – Звезд на сегодня достаточно.

– Да уж, – ответила я и вложила в раскрытую ладонь свою руку. – И поесть бы не мешало.

– Согласен, – кивнул шеф. – Пойдем воздадим должное трудам моей Аннушки.

– Домработница? – уточнила я.

– Она, родимая, – кивнул Костик. – Потом будем имитировать любовные отношения: сидеть в обнимку и смотреть какую-нибудь сопливую мелодраму.

Глава 6

Субботнее утро ворвалось в мою жизнь солнечным светом, звоном будильника над ухом и бодрым:

– Вставай, поднимайся, рабочий народ!

– Не-ет, – заныла я, накрываясь одеялом с головой.

Одеяло с меня сорвали, подушку отняли, шлепнули по мягкому месту, теперь ничем не защищенному, кроме нижнего белья, и провозгласили:

– Пора, любимая!

Я развернулась и посмотрела через спутанные волосы на жизнерадостную физиономию начальства. Начальство протянуло мне стакан с водой и широко улыбнулось:

– Похмелись, пьянь.

Я села, убрала с лица волосы и воззрилась на Костика. Он блестел, как начищенный пятак. Намытый, побритый и причесанный, без единого следа вечерних возлияний – это вызывало одновременно ненависть, отвращение и восторг стойкостью начальничьего организма. Я себя чувствовала разбитой калошей.

– Почему тебе хорошо? – спросила я хрипло и облизала сухие губы.

– Пить надо уметь, а не вливать в себя всё, что горит, – усмехнулся он.

Это да. Я вчера на нервах выпила всё, что нашла у Колчановского. Нет, начиналось всё чинно и благородно. Мы поужинали при свечах для создания нужной атмосферы, выпили по бокальчику и отправились смотреть «сопливую мелодраму», опять же чтобы проникнуться. И вот на этой фазе план начал давать сбой. Мы сидели в обнимку и смотрели фильм с каменными физиономиями, не зная, что делать дальше.

– Может, закинешь на меня ноги? – предложил шеф.

Я кивнула. И начались мучения. Во-первых, чтобы взвалить нижние конечности на Колчановского, мне пришлось принять позу полулежа. Он рассеянно поглаживал мое колено, я беспрестанно тянула на это колено юбку. Пыталась вольготно развалиться, пробовала подпереть щеку кулаком, вертелась со спины на бок и обратно, пока Костик не убрал с себя мои ноги и не встал с дивана. Вернулся он с вином и двумя бокалами. Идея показалась мне заманчивой. Пьяному море по колено, и это я знаю точно. Потому вскоре значительно повеселела и внесла конструктивное предложение, чтобы теперь шеф полежал на мне, ну, в смысле, положил голову на колени.

Он согласился. Теперь КГ расположился на моих коленях, а я рассеянно ворошила его волосы.

– О чем фильм? – неожиданно спросил шеф.

– Черт его знает, – ответила я. – Кажется, про любовь.

– По идее, да, – согласился Костик.

Мы еще некоторое время пялились в экран, но вскоре Колчановский сел и велел:

– На колени.

– В каком смысле? – опешила я. – Костя, я на садо-мазо не подписывалась! Нет у нас в договоре такого пункта.

Он воззрился на меня с ответным изумлением, наконец, моргнул и расхохотался. Я веселиться не спешила. Неожиданно открывшиеся наклонности доморощенного мистера Грея меня не впечатлили. Я приготовилась дать отпор, если меня решат «пороть и гладить», и для поддержки боевого духа выхлебала очередной бокал вина.

Колчановский продолжал ржать, словно полковой жеребец. Наконец, выдохнул, вытер глаза и, посмотрев на мою деловитую физиономию, снова рассмеялся. Я обиделась и выпила еще бокальчик, теперь потому, что просто хотелось.

– Ко мне на колени садись, извращуга! – воскликнул Костик, справившись с приступом хохота.

Я посмотрела на предлагаемые колени, затем на начальника и задрала нос:

– Не сяду.

Бунтарский дух, пробужденный алкоголем, добавил мне независимости и упрямства. Костик протяжно вздохнул. Затем поднялся с дивана и унес полупустую бутылку. Это стало поводом для сильнейшей обиды, и я вообще отвернулась от шефа, не забыв сообщить:

– Я с тобой не разговариваю.

Он молчал, и тогда я бросила на КГ взгляд искоса, чтобы понять, что он там еще замышляет. Шеф скрестил на груди руки и качал головой:

– Н-да-а, Вера, – произнес он глубокомысленно. – Не ожида-ал.

– Чего?

– Что ты, Вера, алкаш.

Я окинула его высокомерным взглядом и ответила:

– Я – женщина. А вот ты, Костик, – я нацелила на него палец, – негодяй и мерзавец. Загнал честную девушку шантажом в ловушку и радуешься. А у меня душа болит!

Мне стало жалко себя до слез. И пока я хлюпала носом, Колчановский снова ходил за вином. Но когда я потянулась за бутылкой, надавал мне по рукам.

– Жадина, – насупилась я.

– Я хочу догнать тебя, дорогая, – ответил шеф. – Глядишь, снова начнем понимать друг друга.

Не знаю, насколько он успел за мной, потому что я снова умчалась вперед, найдя золотой запас начальничьего бара, и взяла этот «Форт Нокс» без единого выстрела. Когда Костик нашел меня, я была уже совершенно раскрепощена и готова к свершениям. В какой-то момент музыка сменила кино, которое так никто из нас и не усвоил. И последнее, что я помнила – это как мы с шефом с упоением целуемся под какой-то забойный ритм. В общем, так или иначе, но

конечного пункта в плане на вечер мы все-таки достигли. Смущения там точно уже не было.

Вспомнив всё это, я широко распахнула глаза и огляделась. В первую очередь посмотрела на то место, на котором спала, но следов второго тела рядом я не обнаружила. После осмотрела себя. На мне была надета мужская футболка, и я подняла настороженный взгляд на шефа.

– Секса не было, – сразу успокоил Колчановский. – Во-первых, я с трупами дел не имею, а во-вторых, ты меня взбесила. Вера, тебе совершенно нельзя пить. Это же женщина-напалм какая-то!

– А? – тупо спросила я, пытаюсь усвоить информацию.

– стакан на, – хмыкнул шеф и сунул мне в руку тару. – Там очень неплохое средство от похмелья. Пей и в ванную. Время идет.

– А во что я оденусь? – спросила я, запоздало чувствуя, как щеки заливают краска стыда.

– В то, что забрала из дома, – ответил Костик, направляясь на выход из гостевой комнаты.

– А я была дома? – искренне удивилась я.

– Была, дорогая, еще как была. И я с тобой. Логово у тебя миленькое.

– Почему логово? – не поняла я.

– Потому что ты – чудовище, мой маленький поросенок.

– Кто?

Из-за двери донеслось хрюканье и смешок. Я некоторое время пялилась вслед шефу широко распахнутыми глазами. Наконец, очнувшись, выпила содержимое стакана и снова легла. Затем подтянула колени к груди, мечтая испариться на фиг, потому что было даже страшно спрашивать, что я вчера творила, если Колчановский придумал мне это сомнительно-милое прозвище.

– Я сказал – живо!

Голос шефа, похожий на удар хлыста, сорвал меня с места, и я убежала страдать в ванную. Однако зелье Колчановского и прохладная вода сделали свое дело, и смущение я загнала поглубже,

чтобы не вызвать еще больших насмешек. А то, что мой начальник далеко не равнодушный сухарь, я уже знала точно. Потому вышла к нему с независимым видом, запахнувшись в шефов банный халат.

– В плечах не жмет? – он бросил на меня ироничный взгляд и кивнул в сторону кухни. – Завтракай и будем собираться.

– Кость, – все-таки смущенно позвала я – бравады хватило ненадолго. Он обернулся, и я продолжила, старательно глядя в сторону: – Я вот что подумала. А разве твой друг не знает, как ты живешь, с кем встречаешься? Он же рядом.

– Не рядом, – ответил Колчановский. – Он живет в Провансе, там же у него практика. Сюда с женой приезжает на годовщину свадьбы и на некоторые семейные праздники. В этом году приехал первый раз. Так что мы по срокам с нашей историей укладываемся.

– А общие друзья, родные...

– Общих друзей у нас почти нет, а его родные тоже живут за границей, в Испании. Сюда Сашка с Люсей приезжают к ее родителям. – Я открыла рот, и Костик ответил раньше, чем я задала следующий вопрос: – А они – люди другого круга, и мы никак не пересекаемся. И живут в пригороде. – После подошел ко мне, развернул и легонько придал ускорение коленом под зад: – Давай-давай, поросеночек, шевели копытцами. Потом малюй пяточок, и мы выдвигаемся.

– У меня ноги! – возмутилась я.

– Очень даже хорошенькие ножки, – согласился шеф и вдруг глумливо осклабился: – И выше тоже всё замечательно. Ты мне свои достоинства вчера продемонстрировала очень доходчиво... когда начала при мне переодеваться. – Я снова округлила глаза, а мерзавец продолжил, неожиданно писклявым голосом, пародируя меня: – Если думаешь, что я буду смущаться, то выкуси. Бухгалтер я только по специальности, а вообще... – он покачался и, оперев одну руку в бок, задрал подбородок: – Я – тигрица, р-р-р.

– Боже, – я закатила глаза и устремилась на кухню под глумливый смех Колчановского.

Вскоре шеф явился на кухню. Он уже успел сменить домашнюю одежду на джинсы и футболку, обтянувшую стройный торс и широкие плечи. Я оторвалась от приготовленной для меня яичницы, мазнула по нему взглядом. Костик подмигнул мне, налил себе сок в высокий стакан, устроился напротив и воззрился на меня веселым взглядом. У меня застрял кусок яичницы в горле. Я закашлялась, и шеф, потянувшись через стол, участливо постучал мне по спине.

– Спасибо, – сипло произнесла я, вытирая слезы.

– Я спас тебе жизнь, а ты говоришь всего лишь – спасибо? – фальшиво возмутился Колчановский.

Я сделала глоток горячего чая и подняла руку в предупреждающем жесте:

– Ни слова о том, что я вчера могла сказать на эту тему. Ничего этого не было, ясно? Я не помню, и ты забудь.

– Ну, знаешь, отлавливать пьяных бухгалтеров мне еще не приходилось. Негативный опыт тоже опыт, и он имеет свою ценность, – возразил Костик. – Но вообще я имел в виду поцелуй в благодарность за спасение.

– Любимый, мы свои люди, – ответила я, глядя на него поверх кружки с чаем. – Какие между нами могут быть счета?

– Никаких, тигр-рица, – согласился подлец, и я опять поперхнулась.

В общем, сборы прошли весело, правда, радовался жизни только шеф, а я думала о скором будущем, и эти мысли грели мою душу предвкушением сладкой мести. Счет начальника, по моему скромному мнению, вырос до небес, и пора было спросить с него проценты. Константин свет Георгиевич о моем коварстве не подозревал, потому пребывал в радужном настроении, предвкушая развлечение и победу, все-таки совместная пьянка сближает, и сегодня мы общались даже без тени скованности. И когда он приобнял меня, я ответила милой улыбкой и даже подставила щеку под поцелуй, в чем мне не отказали. Короче, мы оба были уверены, что справимся со своими ролями.

А спустя час моих сборов, мы спустились на подземную парковку, сели в авто шефа и отправились зарабатывать свой Оскар. Мы несколько раз повторили нашу историю, внося некоторые уточнения и придав ей законченность. А еще меня радовало то, что я – девушка скромная, потому могу позволить себе смущение. За Колчановского не переживала, он – мужик хваткий и уже явно чувствовавший себя уверенно в выбранном образе.

Дорога вымотала. Народ пер в сторону природы и дачных участков, помирая от желания провести выходные кверху задом на любимых грядках. Мое похмелье, отпустившее после чудодейственного поила, решило вернуться и напомнить о себе нудной головной болью. А может, виной тому была духота и пробка, растянувшаяся там, где машины должны гнать с разрешенной скоростью и превышая ее. Но как бы там ни было, виноватый мне был нужен до зубовного скрежета, и я быстро его нашла, лишь скосив глаза к водительскому сиденью. В конце концов напилась я из-за шефа, и сейчас страдала в выматывающем нервы неспешном течении автомобильного потока тоже из-за него. Я могла бы провести вечер пятницы с подругой, или же валяясь на любимом диване, могла почитать книгу или, черт возьми, познакомиться с кем-нибудь и сегодня сходить на свидание. Но я сижу рядом с человеком, который умело спрятал эмоции за привычной ему маской каменного истукана и отстукивает пальцами по рулю в такт музыке, наполнившей салон.

И я не сдержалась. Потянулась и переключила волну, не столько из желания найти что-то более для меня интересное, сколько из вредности. Костик скосил на меня глаза и... сменил ритм, подстраиваясь под новую песню. Я поджала губы и снова переключила.

– Меня так не достанешь, – скучающим тоном сообщил Колчановский. – Придумай что-то более действенное.

Я откинулась на спинку сиденья, скрестила на груди руки и устремила взгляд исподлобья на багажник автомобиля, ехавшего

впереди нас. Шеф вернул свою радиостанцию и умиротворенно вздохнул. Мы помолчали. И пока тишина, нарушаемая лишь звуками из динамиков, давила на плечи гранитной плитой, раздражение всё сильнее горячило кровь. Я закипала, медленно, но верно.

– Расслабься, – посоветовал непробиваемый КГ.

– Как? – мрачно спросила я.

Он пожал плечами и предложил:

– Слушай музыку. Приятное занятие, мне нравится.

– Я хочу пить, – буркнула я.

– Вода рядом с тобой.

– И мне жарко.

Он включил кондиционер. Пар поднялся к крышечке. Я уже слышала ее позвякивание.

– У меня болит голова.

– Таблетки в аптечке.

Я сжала кулаки, но вскоре их расслабила и прикрыла глаза, пытаюсь уговорить себя, что психовать не из-за чего. Ну, пробка, ну, начальник, ну пропавшие выходные. Бывало и похуже. Ничего. Машина выберется из пробки, и мы покатаем с ветерком. Однажды мы обязательно вырвемся... лет через сто!

– Р-р-р, – тихо зарычала я, ощущая, как пар срывает крышку.

– Тигрица, – хмыкнул Костик.

– Просто заткнись, – шипящим шепотом велела я.

– О-о-о, – протянул шеф. – Это уже серьезно.

– Замолчи! – рявкнула я, не зная, как выразить всю глубину своего гнева, чтобы не сжечь за собой мосты, и так уже хамила тому, кто давал мне хлеб насущным. Короче, собиралась отгрызть руку дающего.

Однако Колчановский имел иной взгляд на ситуацию, и потому велел:

– Выговорись.

– Всё, что думаю?

– Ага. Не стесняйся, я всё равно слушаю музыку. Так что выпусти зверя.

И я выпустила. Шеф прибавил громкость, я тоже. Вскоре салон разрывало от рока и моих воплей. Костик барабанил пальцами по рулю, я стучала кулаком по приборной панели. Он кивал в такт музыке, я мотала головой, изливая свое раздражение. Наконец я выдохлась и откинулась на спинку сиденья. Колчановский протянул мне бутылку с водой и уменьшил громкость до прежнего уровня.

– Легче? – спросил он.

Я сделала глоток, затем еще один и перевела дух.

– Да, благодарю, – кивнула я.

– Знаешь, тигрик, а я себя совсем не ощущаю женихом, – серьезно сказал шеф. – А вот мужем очень даже. Нормальная такая семейная пара: жена – истеричка и мудрый терпеливый муж.

– Я не истеричка, – возразила я.

– Зато я мудрый и терпеливый.

– И самовлюбленный.

– А почему нет, если есть, что любить?

– Эгоцентрик, – фыркнула я.

– А ты алкаш.

Я даже задохнулась от такого обвинения. Перенервничала, да. Так ведь не каждый день тебе твой начальник предлагает участие в афере, еще и с игрой в любовь. Это не просто посидеть на обеде с кем-нибудь, представившись невестой. Тут целый театр двух актеров! Еще и неуверенность в собственном будущем после помощи бессовестному вруну и авантюристу. Вырывала зубами из шефовой глотки каждую букву договора. Еще бы мне не нервничать! Алкоголь всего лишь помог расслабиться и забыться. А то, что алкоголя много, так и нервов было немало. Всё строго пропорционально.

– Будешь обзывать, я с тобой расстанусь в разгар аферы, – сухо произнесла я.

– Не-а, – Костик мотнул головой. – Договор, дорогая.

– Чертовы прагматизм и осторожность, – проворчала я, впрочем, не жалея о нашем «брачном контракте». Я была защищена, и это стоило того, чтобы отработать свою роль до конца.

– А сколько моей крови выпила, а нервных клеток уничтожила? А после? Да ты мне еще должна возместить ущерб! Так что буду брать долг прозвищами. Упыреныш ты мой, – почти с нежностью произнес Костик. Он осклабился под моим пристальным взглядом и закончил: – Женщина – напалм.

– Полюби меня такой, какая я есть, – пропела я в ответ.

– Не дай бог, – искренне ответил шеф.

Я собралась ответить, но в этот момент мы вырвались из пробки, и авто помчалось по серой асфальтовой ленте. Спорить я передумала. Невидимый оркестр уже играл увертюру, актеры готовились к выходу...

Глава 7

Машина подкатила к каменному домишке на два этажа с добротными железными воротами и камерой над ними. Я присвистнула. Неплохо так живут нынче бедные учителя. С родословной жены друга Костик успел меня познакомить еще в начале пробки, потому информацию я усвоила.

– Это стараниями зятя, – ответил шеф. – Два года назад это был еще обычный бревенчатый дом с деревянным заборчиком. Остался от Люсиной прабабки. Родители Людмилы сюда только на лето приезжали. Шурик решил сделать свадебный подарок родителям невесты и взял правило в свои руки. В прошлом году родители сюда перебрались окончательно. Отец занялся сельским хозяйством, мать перешла работать в школу поблизости и в свободное время репетиторствует.

– Такой домик содержать накладно. Там охрана что ли?

– Да нет, – ворота открылись, и мы въехали на ухоженную территорию дома Люсиных родителей. – Из охраны тут три здоровенных кобеля, но их выпускают только ночью. Шурик оплачивает счета, родители поддерживают уют и порядок. Это же наследство его жены. Считай, позаботился о будущем.

– Ясно, – кивнула я.

Машина остановилась. Мы с шефом посмотрели друг на друга и непроизвольно взяли за руки. Взгляд Костика сверкнул шальным озорством, мой, наверное, паникой.

– Прорвемся, тигрулик, – широко улыбнулся Колчановский. Он выдохнул, тряхнул головой и, произнеся: – Ну, поехали, – вышел из машины.

Я наблюдала за тем, как шеф махнул рукой невысокому молодому мужчине в спортивных брюках и футболке. Мой пыливый взгляд тут же прилип к этому мужчине, пытаюсь обнаружить в обычном мужике что-то этакое, что должно было указать на то, что он адвокат с

практикой во Франции, но видела лишь среднестатистического дачника на пороге дорого коттеджа.

Мужчина спустился по каменным ступенькам, тепло обнялся с моим Колчановским, и они вместе направились к моей дверце.

– Сейчас бы коньячку, – помечтала я и зажмурилась на секунду, потому что шеф взялся за ручку дверцы.

Она распахнулась, и я воззрилась на Костика, который вдруг показался самым родным и близким человеком во всем мире. Потому свою руку я вкладывала в его ладонь, ощущая, будто хватаюсь за спасительную соломинку. И когда его пальцы сомкнулись, я облегченно выдохнула, чувствуя поддержку, опору и защиту.

– Выходи, тигруля, не бойся, – подбодрил меня Костик.

– Тигруля? – живо заинтересовался адвокат в трениках. – Это потому что прыгучая?

– Сунь ей палец в рот, тогда узнаешь, – ответил шеф, помогая мне выбраться из машины.

– Поберегу пальцы, – негромко рассмеялся Александр. – Привет, тигра Вера.

– Да слушайте вы больше этого балабола, – я смущенно посмотрела на приятеля шефа. – Лучше бы представил своему другу по-человечески. Меня зовут Вероника.

– Александр, – ответил адвокат и с галантностью истинного джентльмена поцеловал мне руку. – Рад познакомиться, Вероника.

– Взаимно, – мило улыбнулась я, радуясь, что на моей талии покоится начальничья длань, потому что, несмотря на внешнюю уверенность, я ощущала неслабую дрожь в коленях. Мне было страшно до жути, но монолит Костиного тела за спиной продолжал оставаться осью, которая поддерживала меня.

– Вот так и живем, – вздохнул Костик. – Рта открыть невозможно, сразу балабол.

– Мальчишка, – я покачала головой и тихонько ткнула кончиками пальцев начальство в лоб.

– Милая, когда я повзростею, тебе станет со мной скучно, – Колчановский прижал меня к себе и чмокнул в щеку.

– С тобой не может быть скучно, – ответила я совершенно искренне, вспоминая, с какой находчивостью мой шеф подошел к вопросу подготовки.

– Это с тобой не соскучишься, – хмыкнул он, явно думая почти о том же.

– Как сладенько, – умилился адвокат. – Лимончик?

– Пошел ты, – отмахнулся Костик, сияя счастливым взглядом.

Похоже, он был доволен началом представления. Я, в общем-то, тоже. Всё оказалось не так страшно. И даже когда шеф выпустил меня из объятий, мое восприятие реальности не изменилось. Александр предложил мне руку, я не стала отказываться. Костик отстал, чтобы достать сумку, в которую сложил наши вещи на эти два дня. Когда я увидела всё, что набрала дома, даже немного удивилась обилию вещей.

– Я собиралась переехать к тебе? – спросила я, разглядывая чемодан у дверей комнаты, в которой провела ночь.

– Нет. – Ответил Колчановский. – Мы собирали тебя на дачу, но ты решила, что без вечернего туалета порядочная девушка не может явиться в незнакомое общество.

– И?

– И ты не смогла сделать выбор сразу. Полчаса пялилась на два платья. Я психанул и засунул в чемодан всё, что попало под руку.

– Комком? – пришла я в ужас.

– Ой, только не начинай заново, – покривился шеф, и я поняла, что на эту тему я уже успела высказаться ночью.

– Вандал, – только и фыркнула я.

– Еще тиран, деспот и бесчувственная сволочь без стыда и совести, – покивал Костик.

– Э... хм, – скромно потупилась я. – Прости. Это всё нервы.

– Я так и понял, – усмехнулся Колчановский, и на этом мы перестали обсуждать обилие прихваченных вещей.

Разумеется, чемодан в гости к семейству адвоката не поехал, только несколько вещей, которые отобрал сам Костик, пока я умывалась и завтракала. Без вечернего платья. Но тут я спорить не стала, видать, запал прошел... Ну да ладно, закончили лирическое отступление. В общем, пока шеф забирал сумку, мы с Александром успели подняться к большой стеклянной двери.

– Вы для меня приятный сюрприз, Вероника, – с улыбкой говорил приятель шефа. – Никак не могу понять, почему Костя скрывал вас. Мы столько раз созванивались, а он ни разу не рассказал о том, что познакомился с такой очаровательной девушкой. Или вы знакомы совсем недавно?

– Может, перейдем на «ты»? – с ответной улыбкой спросила я, не спеша удовлетворить любопытство Александра.

– Это было бы чудесно, – продолжал сверкать белозубым оскалом адвокат. – Так когда же ты познакомилась с Костиком?

– Я не знаю, что ответить, – я неопределенно пожала плечами. – Мне про тебя Костя много рассказывал, а почему молчал про меня... Возможно, об этом стоит спросить у него. Мне теперь тоже любопытно услышать его ответ.

Колчановский как раз догнал нас. Я обернулась и взглянула на него, чуть прищурив глаза.

– Что я уже успел натворить? – спросил Костик. – Шурик, почему Вера рычит на меня взглядом? Любимая?

Я демонстративно отвернулась и прошла в дом, предоставив шефу самому отдуваться, отвечая на вопросы друга-адвоката, начавшего колоть меня с первых минут знакомства.

– Кажется, я стал ложкой дегтя в вашей бочке сахарной ваты, – покаялся Александр. – Просто мне стало интересно, почему ты скрывал от меня знакомство с Верой. Чем угодно делился, а переменами в личной жизни ни разу.

– Во-первых, ты хамишь, – сухо зато заметил Колчановский. – Если я и подшучивал над вами с Люсей, то не в ее присутствии, а ты это делаешь, когда тебя слышит моя девушка. А во-вторых, ты бы дал

нам хотя бы отдышаться с дороги, а потом устраивал допрос. Мы попали в дикую пробку, пока добрались до тебя...

– Понял-понял! – вскинул руки адвокат. – Накормить, напоить, в баньке попарить, а потом уж и спрашивать. Всё по канонам. Верочка, – он догнал меня и снова выставил локоть, я отказываться не стала. – Если обидел шуткой, то не со зла.

Я кивнула, показывая, что услышала, но напряженный вид сохранила. А как же? Мой жених, этот... мой любимый мужчина ни слова не сказал про меня своему лучшему другу! И скажите, что это не повод обидеться. Тут такая цепочка умозаключений сразу выросла: молчал до сегодняшнего дня, значит, относится несерьезно, а раз относится несерьезно, значит, и его предложение – вранье. Он меня не любит!

– Вероника, тебя расстроил мой вопрос? – заметив, что мое лицо превратилось в каменную маску, забеспокоился Александр. – Ты обиделась из-за того, что Костя не рассказывал про тебя? Вы, женщины, слишком мнительные...

– Нет, Саша, я не обиделась, – ответила я с вежливой улыбкой, чтобы он даже не усомнился в том, что я обиделась. Нет, не просто обиделась. Я оскорблена до глубины души!

– Ну, Верочка, – беспомощно произнес адвокат. – Еще не хватало, чтобы мои неосторожные слова испортили вам настроение.

– Всё хорошо, – ровно ответила я. – Всё просто замечательно.

За это время мы поднялись на второй этаж, так никого из домочадцев и не встретив. Александр остановился у двери комнаты, которая явно предназначалась для нас, и я вошла туда, ни разу не оглянувшись на шефа.

– Ну, спасибо, дружище, – услышала я шипение Колчановского. – Ты разбудил в ней зверя, а мне теперь доказывай, что я не верблюд.

– Слушай, я вообще не думал, что так получится, – приглушенно ответил адвокат. – Я всё исправлю...

– Теперь уже я сам, – буркнул Костик. – Очень приятная встреча.

– Колчан, ну прости...

Дверь закрылась. Я обернулась и взглянула на широкую улыбку шефа. Он скинул на пол сумку, стремительно приблизился ко мне и сжал голову ладонями.

– Умница моя, – шепнул Костик. – Такая обида лучше сотни поцелуев.

И он от души чмокнул меня в щеку. В дверь послышался осторожный стук, и в комнату просунулась голова адвоката. Лапища Колчановского легла мне на затылок, а в следующее мгновение мой лоб встретился с грудью начальника. Я тихо зашипела, потому что под футболкой было скрыто что-то массивное и далеко не мягкое.

– Я просто хотел предупредить, что приехала Люсина бабушка, – сообщил Александр.

Напор длани шефа усилился, и я, не выдержав, ущипнула его. Теперь зашипел Костик.

– Ухожу-ухожу, – по-своему истолковал гримасу Колчановского адвокат.

И как только дверь закрылась, Костик отпустил меня. Мы сердито воззрились друг на друга.

– Перебор, – предупреждающе произнес он.

– Ты мне дыру во лбу хотел сделать?

– Не понял.

– Что у тебя под футболкой?

– Крест...

– Если ты думаешь, что его оттиск у меня на лбу изгонит бесов, то сильно заблуждаешься. Во-первых, бесов во мне нет, а во-вторых, единственный змей, которого я знаю, стоит передо мной.

– Ну, насчет бесов я бы не был так уверен, – проворчал себе под нос Колчановский, и я понадеялась, что он испепелится от моего взгляда.

Не испепелился. Вздохнув, я прошла к окну и посмотрела на открывшийся вид, он мне понравился. Там был сад. Костик подошел ко мне и примирительно произнес:

– Извини, если сделал больно. Я не специально.

– Угу, – промычала я. – Ты больно не хотел делать, твой друг не хотел растревожить мою тонкую душевную организацию. Если бы всё было правдой, я бы тебя сейчас придушила.

– За что?

Я обернулась и стукнула кулаками по груди шефа:

– Ты меня не любишь!

– Отлично! – восхитился женишок. – Не прощай меня сразу. Маленький скандалчик не повредит.

– Будь уверен, – пообещала я.

– Но без перегибов, – вдруг забеспокоился Колчановский.

Я покладисто покивала головой и отправилась осматривать нашу комнату дальше, чтобы скрыть акулый оскал счастья. Друг шефа мне нравился всё больше. Еще бы! Своим вопросом с подвохом он дал мне возможность, не нарываясь, отплатить Костику за принижение меня, как женщины, за ненавязчивые угрозы, шантаж и переживания. Если бы я могла признаться Александру в любви, я бы это сделала, честное слово. И не только за его неосознанную помощь, но и за то, что моему Костику придется извиваться ужом на сковородке, отвечая на неудобные вопросы. А то, что они будут, сомневаться не приходилось. Зато я теперь была освобождена от необходимости врать – я же обижена и полна неприятных подозрений! И в это мгновение я поняла, что насчет беса Колчановский прав, потому что где-то внутри меня раздавалось гаденькое хихиканье. Кстати...

– Почему Саша сделал акцент на бабушке?

Я обернулась к шефу, разбиравшему сумку. Он бросил на меня взгляд и отмахнулся, но теперь тема пенсионерки всерьез заинтересовала, потому я подошла к Костику и, забрав у него свою одежду, заглянула в глаза.

– Рассказывай.

– Да ну, – буркнул шеф. Однако ненадолго задумался. – Я ее любимчик, – все-таки поделился своей бедой начальник.

– Это плохо?

– В общем-то, нет. Просто повышенная забота и внимание к моим нуждам иногда утомляет. И Карина... – Я ответила непонимающим взглядом, и шеф пояснил: – Это вторая внучка – кузина Люси. Баба Нюра спит и видит, что пристроит Кариночку в мои надежные руки.

– Что не так с Кариной?

– Она – Лиза, – ответил Колчановский и больше пояснений не потребовалось.

– Ясно, – я на секунду поджала губы. – Значит, у меня есть уже недоброжелатель и соперница в лице бабы Нюры. К чему готовиться? Компот на голову? Иголка в косяк? Или россыпь бородавок завтра утром?

– Я тебя прикрою, – пообещал шеф.

Усмехнувшись, я покачала головой. Наивный ты мой. От бабули, озабоченной судьбой любимой внучки, не скроет ни одна начальничья спина. Я против нее, как милый ёжик против танка. И хорошо, если уеду отсюда человеком, а не жабой. Как пить дать, сглазит! Я поплевала через левое плечо и протяжно вздохнула. Знала бы про бабулю, обязательно внесла бы в договор пункт о магической защите и медицинском страховании на случай ожогов и травм.

Колчановский забрал у меня стопку одежды, которую я продолжала держать, положил ее на столик и притянул меня к себе.

– Не переживай, баба Нюра – милая женщина. Я буду рядом с тобой постоянно. Она просто пожилая женщина, ничего ужасного. Да, неучтенный фактор, но это ничего не меняет.

– Понятное дело, – усмехнулась я. – По нашему договору ничего не меняют даже обстоятельства непреодолимой силы и стихийные бедствия. Будем считать бабульку ураганом.

– Всего два дня, Вера, – напомнил мне шеф. – А потом премия и новое кресло.

– Хоть что-то, – проворчала я.

– Нахалка, – фыркнул Колчановский.

Я была с этой оценкой не согласна, но возражать не стала. Вскоре мы уже спускались вниз, готовые к знакомству с семьей адвоката. Господ Поляковых и Судариковых мы нашли в тени сада возле открытой кухни, откуда доносились одуряющие ароматы, от которых предательски заурчало в животе.

– Тигруля, – хмыкнул шеф.

– Меня сейчас заставят что-нибудь резать, – уверенно шепнула я.

– И что?

– Мне нужно дополнительное соглашение...

– Поздно, упыреныш, поздно. Всё необходимое уже предусмотрено.

– Жмот.

И мы дружно улыбнулись, потому что в нашу сторону обернулись все, кто находился в районе открытой кухни и беседки, из которой можно было смело сделать домик для привратника, или для гостей, которых хочется держать подальше от хозяев.

– А вот и наши голуби, – широко улыбнулся Шурик.

Приобняв за талию миловидную молодую блондинку, он направился нам навстречу. Люся рассматривала меня с нескрываемым любопытством, я смущенно потупилась.

– Привет, – она протянула мне руку. – Я – Людмила, но можешь обращаться ко мне – Люся.

– Я – Вероника, можно – Вера или Ника. Мне всё нравится.

– Я запомню, – пообещала с улыбкой Люся. Только после этого она посмотрела на Колчановского и покачала головой: – Как не стыдно скрывать свою очаровательную подругу.

– А как не скрывать, – шеф нагнулся к жене друга и поцеловал ее в щеку. – Мы только в дом вошли, как Полик уже насел на нее с вопросами и внес разлад. И это в первые пять минут знакомства, – со значением добавил он. – Я теперь думаю, что вас надо было сразу на свадьбе знакомить.

– Ого! – воскликнул Александр. – То есть Вера...

– Да, да, да, – счастливо оскалившись, ответил Костик. – Вера – не просто моя девушка, она моя невеста.

– Кто невеста?

Немолодой женский голос заставил меня подобраться. Из глубин открытой кухни вынырнула бодренькая такая пенсионерка в бриджах и с фиолетовыми вихрами, торчавшими из-под бейсболки. Баба Нюра... Блеклые голубые глаза с пристрастием ощупали мое лицо, фигуру, вернулись к лицу, и на губах бабульки расцвела медовая улыбка.

– Ай, красавица, – пропела она, и я поняла – точно сглазит.

Однако бабушку быстро эвакуировали. Ее зять и отец Люси – полноватый мужик с веселым прищуром зеленых глаз, взял тещу за худенькие плечи, развернул и направил помогать дочери. После этого подошел к нам. Отец семейства пожал руку Костику и дружелюбно улыбнулся уже мне.

– Невеста, значит? – спросил мужчина. – Очень приятно. Наконец нашлась та, кто смогла накинуть хомут на эту холостяцкую шею. Не всё нам мучиться, да, зятек?

– Это кто там такой замученный? – послышался голос Люсиной матушки.

– Готовь, мать, не отвлекайся, – скомандовал строгий супруг и протянул мне руку. – Верочка, значит. А меня зови дядей Мишей. Мать, – он обернулся, – а как к тебе обращаться?

– Верочка, – послышался ответ, – для вас я просто Римма. Обойдемся без отчества и тетя.

– Х... хорошо, – запнулась я, ошеломленная скоростью, с которой я входила в это чужое для меня семейство.

– Ну, стало быть, дядя Миша и Римма, – констатировал отец Люси. – А наш реликт, – понизив голос, добавил дядя Миша, – называй Анной Леонидовной.

– Я всё слышу, Михаил, – не дремала баба Нюра.

– Слух тонкий, взгляд орла, энергии на роту пехоты во время марш-броска, – прошептал дядя Миша, глядя на меня.

– Папа, – укоризненно покачала головой Люся.

Александр усмехнулся и согласно кивнул, а я расслабилась. Похоже, бабулю тут божьим одуванчиком считает только Костик, но это уже его проблемы. Буду дружить с мужской половиной двух семейств, моя половина пусть сам выкручивается. В общем, перезнакомились. Скажу честно, и Поляковы, и Судариковы мне понравились. Люся оказалась такой же жизнерадостной и бойкой, как ее отец. Римма держалась более сдержанно, но ее дружелюбие я хорошо ощущала. Она пошла сложением в мать – худощавая, поджарая, юркая. Люся была более плотной, явно унаследовав телосложение родни со стороны отца.

Мой Колчановский возвышался над всеми нами, впрочем, недолго. Он быстро занял плетеное кресло, не без стараний бабы Нюры, уже хлопотавшей вокруг него. Теперь он восседал, словно царь на троне, широко расставив ноги, с бокалом вина, заменившего шефу и скипетр, и державу. Для меня же дело нашлось быстро (и кто бы сомневался?), меня приобщили к готовке. Тесть Александра хлопотал у мангала, и его зять остался единственным, кто составил пару моему «ненаглядному». В общем, два лентяя определились сразу. Всем остальным дело нашлось.

– Пусть Костичка отдохнет, – щебетала баба Нюра. – Да, Верочка? Он у нас добытчик.

– Угу, – промычала я. – Еле мамонта до пещеры дотащил, умаялся.

– Что говоришь? – вцепилась в меня взглядом старушка.

– Говорю, что вы правы, Анна Леонидовна, – сладко улыбнулась я, преданно глядя на женщину.

Люся и Римма тихо хмыкнули. Что там творилось между мужчинами, не знаю, но женщины постепенно начинали задавать вопросы. Я их понимала, сама бы изнывала от любопытства, если бы ко мне в дом притащили неизвестную девицу и провозгласили невестой.

– Вероника, можно вас спросить? – спросила Римма, вытирая руки о полотенце, висевшее у нее на плече. Я кивнула – к вопросам

я была готова. – Как давно вы вместе с Костиком? Поймите меня правильно, – тут же немного смутилась женщина, – я ни в коем случае не хочу вас обидеть. Это не допрос, простое любопытство. Константин, конечно, друг Саши, но мы уже неплохо знаем его, потому нам интересно всё, что с ним связано.

– Я не обиделась, – ответила я. – Мы знакомы около восьми месяцев, встречаемся полгода.

– Но на новый год он к Саше с Люсей прилетел один, – заметила Римма.

Этот вопрос мы не обсуждали. Шеф как-то не озаботился сообщить, что во время нашего мифического романа он успел побывать в гостях у друга. Пришлось импровизировать.

– Он звал меня с собой, но я поехала к своим родителям...

– Лимита? – тут же возникла баба Нюра.

– Мама, – Римма укоризненно взглянула на мать, и та опять медово улыбнулась:

– Так откуда ты, деточка?

– А мне интересней, где вы с Костей познакомились, – перебила бабушку Люся, явно желая отгородить меня от ее расспросов. Я благодарно улыбнулась.

– Да, – поддержала Люсю мать, – как вы познакомились?

– Он чуть не задавил меня, – хмыкнула я и смущенно потупилась.

– Под колеса ему бросилась? – прищурилась баба Нюра. – Слышала я, что есть такое – специально под колеса бросаются.

Я обернулась к пенсионерке, та продолжала смотреть на меня взглядом НКВДешника, ожидая чистосердечного признания. Младшие звенья, хоть и воскликнули возмущенно, но тоже ждали. Я посчитала ниже своего достоинства кидаться в пояснения, оправдываться и рассказывать о своем печальном прошлом в докостиковый период, потому вернулась к овощам, игнорируя ожидания трех поколений.

– Ну? – подала голос баба Нюра.

– Думайте, что хотите, – ответила я сухо. – Но я никак не пойму, что я вам сделала плохого, что вы пытаетесь оскорбить меня уже второй раз за последние пять минут.

– Вероника, ну, что вы! – воскликнула Римма и поспешила ко мне. Она сжала мне плечи и притянула к своей груди: – Моя мама совсем не хотела вас оскорбить.

– Пойду-ка я узнаю, как там наши мальчики, – тут же увильнула баба Нюра.

– Сделайте скидку на ее возраст, – понизив голос, продолжила меня успокаивать Римма.

– Маразм крепчал, – как бы ни к кому не обращаясь, произнес подошедший дядя Миша. Похоже, с тещей у него были сложные отношения.

– Миша...

Дядя Миша тоже исчез из-под строгого взора супруги. Теперь нас осталось трое, и я, расслабившись, изобразила растерянную улыбку.

– Я понимаю, – тихо ответила я. – Я не в первый раз слышу нечто подобное. Люди считают, что я соблазнилась его недостатком, но я даже долгое время не знала, с кем встречаюсь. Костик представился бухгалтером, и то, что он меня обманывает, открылось совершенно случайно. Мы даже почти расстались после этого.

– Почему? – округлила глаза Римма, Люся подошла ближе.

– Мне было неловко. Я совсем не знала этого нового Костю. Влюбилась я в простого парня, честного, открытого, который сумел завоевать мое внимание и убедил поверить в его чувства. А оказалось, что врал столько времени. И вот эти вот мысли о том, что он может решить, что я простила его вранье, когда прикинула счет в банке... Мне было проще отказаться от него, чем держать. Может, я и ниже него по статусу, но гордость и самоуважение у меня есть.

– Так ему пришлось вас добиваться? – в глазах Люсиной мамы, как и самой Люси, теперь сияло чисто женское любопытство. Они подтянули стулья и сели напротив меня у стола, подперев щеки кулаками.

– Да, – я смущенно улыбнулась. – Я же не в себе была, когда случайно шагнула ему под колеса. Ничего не видела... у меня тогда был сложный период. И когда Костя пришел ко мне на работу, я его даже не узнала...

– Под наркотой была или пьяная? – как черт из табакерки выскочила баба Нюра.

Я отложила нож, поднялась на ноги и ответил:

– С меня хватит.

После этого направилась к дому, ни на кого не глядя.

– Вера, – позвал меня Костик, но я не обернулась. – Что случилось?

Как я и ожидала, он поспешил за мной. Еще бы! У нас любовь, у него пари, у меня амбиции – адская смесь. Шеф обнял меня за талию, но когда мы скрылись от чужих взглядов, остановил и развернул к себе:

– Что случилось-то? Говори, я слежу за подступами.

– Отрабатываю свою премию, – тихо ответила я. – Действую согласно легенде и с поправкой на собственные принципы. Слушай, если бы я и вправду была твоей невестой, я бы сейчас или потребовала уехать отсюда, или отгородить меня от бабы Нюры. Она успела обозвать меня лимитой. Думаю, намекает на то, что я хочу выгодно пристроиться. Еще обозвала аферисткой, которая специально бросилась под колеса твоей машины, затем наркоманкой и пьяницей.

– Да ладно, – недоверчиво хмыкнул Колчановский. – Милейшая старушка.

– Она будет меня топить и выводить на эмоции. Я ее враг, – уверенно возразила я. – Поэтому сообразно логике событий, я сейчас пойду поплачу в комнату, а ты проводишь меня и вернешься хмурый и расстроенный, что твою невесту обижают близкие тебе люди. Напоминаю, я – любовь всей твоей жизни, и ты должен делать выбор в мою сторону, если хочешь показать, что настроен серьезно. Или я уже к сегодняшнему вечеру с таким подходом должна уехать

от тебя, объявив о расставании. Потому что в ином случае, тебе плевать на меня, а я просто тряпка, о которую может вытирать ноги каждая баба Нюра, или просто держусь за твои деньги. Но тогда ты мог бы взять и Лизу. Да и, в конце концов, ты им ничего не сказал обо мне. И на новогодние праздники прилетел один.

– Вот черт, совсем забыл про новый год, – отозвался шеф. После кивнул: – Согласен. Ты – мой свет в окошке. Идем страдать и утешаться. Кстати, как ты выкрутилась с новогодними праздниками?

Пока мы шли в дом, я рассказала ему свою версию. А потом уже со второго этажа, через окно в коридоре, мы некоторое время подсматривали, как семейный совет дружно порицает вредоносную бабульку. Но когда к дому направились Александр и Люся, сбежали в комнату, чтобы подготовить мизансцену. Я сидела на коленях шефа, спрятав лицо у него на плече, Костик тепло обнимал меня, гладил по волосам и по спине и мурлыкал, какая я у него замечательная. Ну, тут он меня хвалил за правдоподобность, но выходило очень даже по ситуации.

На стук отозвался шеф. А когда дверь приоткрылась, и нас стало видно, я слезла с его колен и отошла к окну, сделав жест, словно вытираю слезы. Костик тоже поднялся на ноги и встал между мной и своими друзьями.

– Костян, – я услышала виноватый голос Александра, – слушай, что-то баба Нюра разошлась слишком. Нам всем очень неловко от этой ситуации. Вера, – позвал он меня.

Я томить ожиданием не стала, подошла к Колчановскому, и он обнял меня за плечи. После слабо улыбнулась:

– Извините меня, я не хотела портить вам праздник. Если бы я знала, что буду мешать, то не поехала бы с Костей. Вы все здесь свои люди, а я как бельмо. Я понимаю, что Анна Леонидовна просто переживает за Костю, поэтому относится ко мне с подозрением. Если так будет лучше, то я сейчас уеду...

– Да что ты, Вера! – воскликнула Люся.

Пальцы шефа пожали мое плечо, показывая его одобрение, и он выпустил меня из-под своего крыла, как только жена его друга взяла меня за руку и потянула к дверям.

– Никуда мы тебя не отпустим, и не мечтай, – говорила Люся, увлекая меня за собой. – Мы впервые видим женщину, за которой Костик бегаёт. Он так с места сорвался, когда ты ушла, – зашептала Люся и хихикнула, прикрыв рот ладонью. – Он с тебя вообще взгляда не спускает, я наблюдала. Просто какое-то преобразование. А на бабушку не обижайся, она уже поняла, как была права...

Она еще что-то говорила, пока мы спускались по лестнице, но я слушала вполуха, гадая, как теперь будет вести себя диверсант с фиолетовыми волосами. Однако радовало, что вся эта кутерьма играет в нашу с шефом пользу. Люся искренне верила в то, что говорила. Что думал ее муж – не знаю, но, полагаю, ему нашего спектакля пока было мало. И вообще меня всё больше интересовало, как спор будет признан состоявшимся? А если адвокат будет ждать нашей свадьбы? Или все-таки будет наблюдать, проверять, подлавливать и делать выводы? Еще и баба Нюра эта...

Прерывисто вздохнув, я обернулась и встретилась взглядом с Костиком. Они с Сашей шли следом, и друг продолжал извиняться за неловкую ситуацию. На улице мужчины разобрали своих женщин. Так что к летней кухне мы подходили в обнимку. Шеф поглаживал меня по бедру и, наклоняясь, мило целовал в висок.

– Ну, слава Богу, вернулись, – улынулась Римма.

Я посмотрела на бабу Нюру. Вредная старушка ответила мне знакомой медовой улыбкой и свернула козырек бейсболки набок. Начинался второй раунд.

Глава 8

– Как ты? – спросил меня Костик, присаживаясь рядом.

Я сидела на берегу речушки, лениво бежавшей за деревней. Уже приближался вечер. Мы покинули коттедж по моей просьбе и отправились гулять по окрестностям. Это было и желание пройтись, и месть бойкой бабульке, утомившей своими каверзами. После того, как она получила общественный нагоняй, баба Нюра изменила тактику. Она больше не влезала в вопросы и в мои ответы. Слушала с улыбкой, подкладывала еды и щебетала о том, что у девушки должен быть хороший аппетит. Обижалась, если я отказывалась, и мне, следуя легенде о нежной ромашке, приходилось съедать «еще хоть один кусочек».

Полагаю, вредная бабулька надеялась, что досадная помеха в моем лице прямо сегодня разбухнет и лопнет, но я упорно не лопалась. Вместо этого я с ласковой улыбкой переправляла бабулину заботу в Костика. Он послушно открывал рот, а я вкладывала туда каждый «еще один кусочек», после промакивала губы шефа салфеткой и умиленно вздыхала, глядя на своего рыцаря. Продолжалось это до тех пор, пока Колчановский не перехватил мою руку и не отнял вилку. Затем поцеловал в щеку и проникновенно произнес:

– Спасибо, милая, я уже под завязку.

– Анна Леонидовна обидится, – ответила я. – Смотри, она уже готовит для нас новую порцию.

Баба Нюра, пойманная с поличным, поморгала и отправила очередной кусок шашлыка себе в рот.

– Это я себе, Верочка, – сообщила она. – Наелись и хорошо. Если захотите, сами возьмете.

– Конечно, бабуль, – улыбнулся НКВДэшнице Колчановский, и она ответила ему обожанием во взгляде.

На этом попытки моего устранения закончилась, на время. Думаю, баба Нюра просто хотела вывести меня из строя, надеясь, что переедание отправит меня в нокаут, а распрекрасный Костик останется в пределе бабулиных внушений и увещеваний. И причина этому была, потому что шеф не отлипал от меня, как и я от него. Объяснение такому поведению имелось – мы старались врать слаженно, чтобы не проколоться на мелочи. Если отвечал на вопрос с подвохом Костик, я слушала, как выкручивается Колчановский, и подхватывала. Также было, если спрашивали меня. И пока мы вполне успешно проходили тест за тестом.

Костик был в меру нежен, я в меру заботлива, чтобы наши обнимашки и поцелуи не казались нарочитыми и не вызывали оскомины. И чем больше проходило времени, тем всё естественней было положить голову ему на плечо или почувствовать его губы на своей макушке. Милая влюбленная парочка – голубки, одним словом, но без фанатизма.

Следующий ход баба Нюра сделала, когда мы, пресытившись угощением, расположились там же в саду на расстеленных одеялах. Колчановский лежал, устроив голову на моих коленях. Я ворошила ему волосы и не чувствовала ни грамма смущения или неудобства. Напротив нас устроились Люся и Александр. Родители мыли посуду, отказавшись от помощи.

– Отдыхайте, дети, – велели они. – Давно не виделись. Лучше поболтайте.

Зловредная старушенция, уже намекавшая, что мне нужно помочь Римме, была вынуждена сдаться. Она покивала, соглашаясь с дочерью, и исчезла на некоторое время. Последние майские дни выдались по-летнему теплыми, и я наслаждалась погодой, отдыхом на природе и приятной компанией, потому что Люся и Саша и вправду оказались интересными собеседниками, они обладали здоровым чувством юмора и умели развлекать гостей. Им для этого не требовалось никаких настольных игр, караоке или больших

вливаний алкоголя. И если Александр был ожидаемо красноречив, то его жена немного удивляла похожей способностью.

– У вас общая практика? – не удержалась я от вопроса.

– А Костя не рассказывал? – удивился Саша. – Ты вроде говорила, что про нас он тебе рассказывал много.

– Не настолько подробно, – тут же вмешался в разговор Колчановский. – Да, тигрик, Люся работает вместе с Шуриком.

– Здорово, – искренне улыбнулась я. – Жаль, мы с Костей никогда так не сможем.

– Почему? – удивился Александр. – Подготовить специалиста не так уж и сложно.

– Ой, нет, – рассмеялась я. – У него скучная работа.

– А у тебя нет? – шеф поднял на меня взгляд. – Мне кажется, что нет ничего скучней твоей работы.

– Мне моя работа нравится, – произнесла я, глядя на него. – Но я не против освоить еще какую-нибудь специальность. Например, бухгалтера. Что скажешь, милый? Тогда я могла бы на тебя работать.

– Жена будет считать твои деньги, Колчан, – хмыкнул адвокат. – Никаких заначек.

Костик принял вызов. Он сел и усмехнулся:

– Твоя жена в курсе твоей работы, твоих заработков и твоего местонахождения. Ты под колпаком, Полик. Вопрос: над чем ты иронизируешь?

– А меня всё устраивает, – Александр ответил пристальным взглядом. – Мне от Люси скрывать нечего.

– Вот и мне от Веры нечего. Захочет, придет ко мне в компанию. Если ей работа бухгалтера кажется интересней работы официантки, то почему бы нет? Тем более, моя жена с подносом бегать не будет. Так уж лучше у меня на глазах и занятая делом, чем одна в непонятном окружении.

– Ты чего завелся? – пошел на попятную Саша.

– Потому что не могу понять причину твоей иронии, – ответил шеф.

Мы с Люсей переглянулись, и она махнула рукой, показывая, что ничего необычного и критического не происходит. Я улыбнулась. После встрепала Костику волосы и прижала его голову к своему плечу.

– Вояка ты мой.

Он поймал мои губы в ловушку короткого поцелуя, а затем вернулся на облюбленные колени. И вот на этой волне к нам в компанию и всплыла баба Нюра.

– Сидите, молодежь? – спросила она с улыбкой. – И я с вами.

Мы дружно улыбнулись. Костик, как главный любимчик и услужливый кавалер, покинул насиженное место и сбегал за стульчиком для бабульки. Она потрепала Колчановского за щеку и зажмурилась на солнышко, вдыхая ароматы весны.

– Хорошо-то как, – сказала баба Нюра, ни к кому не обращаясь. – И помирать не страшно. Детей таких хороших вырастила, внучки у меня золотые. Вот Люсенька, – она посмотрела на Людмилу, а я приготовилась выслушать оду Карине, потому что старушка явно подбиралась издалека к главной теме разговора.

Скажу честно, я преисполнилась любопытством. Все-таки Карина теперь превращалась в живую легенду. Столько стараний любящей бабушки. Кстати, а где сама Карина? Почему она не пытается захомутать жениха? Почему не борется за свое счастье? И нужно ли оно ей?

– Повезло тебе, Люсенька, – между тем продолжала Анна Леонидовна. – Такой муж хороший. И живете за границей, и работаете там. Только вот никак бабушку не порадуете правнуками.

Я перевела взгляд на Поляковых. Саша блаженствовал, повторив недавнюю позу Колчановского. Он растянулся на одеяле, уложил голову на колени жены и, кажется, бабушкины чаяния пропускал мимо ушей. Наверное, у Александра с Люсей, как у многих европейских пар, уже всё было распланировано по пунктам, и детям было отведено там далеко не первое место. Должно быть, сейчас они выстраивали карьеру, зарабатывали репутацию и расширяли

клиентскую базу, или как там говорят у адвокатов? А когда они всего этого добьются, тогда с чистой совестью и будут радовать прабабушку. И отчего-то мне казалось, что Анна Леонидовна не только дождетя этого радостного события, но и доживет до праправнуков. Женщиной она была крепкой: телом, и душой, и принципиальной позицией.

Сама Люся мечтательно улыбалась, но отвечать бабушке не спешила. Впрочем, баба Нюра сейчас, кажется, особо и не ждала заверений в скором расширении численного состава адвокатского семейства. Анна Леонидовна еще немного поукоряла Поляковых, погрозила им пальцем и начала горестно вздыхать. Виновник этого представления ложиться уже не стал. Он сидел рядом, обняв меня за плечи, и внимал бабе Нюре.

Мне захотелось поддержать старушку. Я чувствовала в ней родственную душу. Нет, правда! Мы явились сюда с шефом, чтобы дурить порядочных людей. Бабуля занималась почти тем же самым. Она вела свою игру, как и мы с Костиком. Потому я, положив голову на плечо своему жениху по контракту, участливо произнесла:

– Не расстраивайтесь, Анна Леонидовна. Всё будет хорошо.

– Конечно, будет, – покивала баба Нюра. – У Людмилы с Сашей всё обязательно будет хорошо. – В этот момент мне отчаянно захотелось подбодрить старушку восклицанием: «Жги, баба Нюра!». И она продолжила: – А вот Кариночка моя... Такая девочка выросла. Красавица, умница, добрая, отзывчивая. И старших уважает, и попусту не обижается. От вопросов бегать не будет, честно на любой ответит.

А вот и первый камушек. Я улыбнулась с пониманием и подставила Костику губы. Колчановский отработал момент, чмокнув меня, и снова посмотрел на бабулю.

– Не везет Кариночке, – продолжила свою тему баба Нюра. – Такая девочка хорошая, а жениха путного нет. Очень переживаю я за Кариночку. Жалко мне ее. Мужа бы ей, как Саша, такого же серьезного и делового, – она улыбнулась Костику, Костик улыбнулся

в ответ и покрепче прижал меня к себе. Анна Леонидовна не сдалась. – Вот выдать бы мне Кариночку замуж, тогда и помирать точно можно.

– Рано вам помирать, – ответил Александр, не открывая глаз.

– Правда, бабушка, – поддержала мужа Люся. – Что ты мрака нагоняешь? А Каринке и так хорошо. В Турцию умотала и никаких проблем. Она про сестру вспоминает, только когда к нам лыжи намылит. Зачем ей сюда на нашу годовщину ехать? У нее подруги и турки...

– А ты чего на сестру наговариваешь?! – взвилась баба Нюра. – Она не какая-нибудь стерва, которая в мужика вцепится ради его денег и прописки! – я поймала второй камушек и уложила его к первому. – Карина – хорошая подруга, она Свету поддержать поехала. А Светка эта беспутная пользуется ее добротой...

Я прикрыла глаза, отключаясь от сердитых восклицаний бабы Нюры. Подставила лицо под лучи майского солнышка и едва не замурлыкала от ощущения тепла и уюта. Ароматы цветущего сада ласкали обоняние, и мужчина рядом вдруг стал восприниматься, как часть окружающего пейзажа, чем-то легким и радостным... Стоп. Я открыла глаза, не позволив себе увлечься романтической бредней. Вот уж лишнее. Послезавтра мы снова будет разговаривать сухо и исключительно на «вы». Мне еще переживаний по шефу не хватало. Я о нем вообще, как о мужчине, не думала до вчерашнего вечера. И я вернула свое внимание бабе Нюре. Оказалось, вовремя.

– Ты-то себе нормального мужика нашла, – Анна Леонидовна продолжала отчитывать внучку. – И нет бы о сестре позаботиться, познакомить с кем-нибудь, или устроить ей свидание, а ты грязью Кариночку поливаешь... Ох, – она схватилась за сердце. – Костик, – простонала аферистка, – водички мне принеси.

Колчановский поднялся на ноги, оставив меня, и устремился выполнять просьбу бабушки. И пока Люся хлопотала вокруг нее, баба Нюра старательно умирала, но когда вернулся Колчановский,

его запястье крепкой хваткой сжали тоненькие пальчики Анны Леонидовны, и шустрая пенсионерка попросила:

– Посади меня на одеялко, боюсь, упаду со стула.

Шеф уважил и эту просьбу, и теперь находчивая бабуля сидела между нами. Она сделала глоток из стакана с водой и доверчиво опустила голову на крепкое плечо моего Колчановского. Мне захотелось похлопать этому маневру. Умничка какая! Все-таки ловкая старушка, хваткая. Но ничего, за Костика мы еще поборемся. И дело даже не в том, что я не могу позволить увести у меня пусть и липового, но жениха какой-то пенсионерке, но она мне мешала! Этот неучтенный фактор лишил меня заветной мечты поиздеваться над негодяем на законных основаниях! А это уже война, ну, в пределах Уголовного Кодекса, конечно. Да и старость я уважаю, в конце концов. И талант опять же... И я решила, пусть еще позабавится, мой выход будет позже.

– Спасибо, дорогой, – сухоньякая ладонь погладила шефа по щеке. – До чего же ты хороший. Я бы хотела такого внука. Сашенька и Костик... Так бы и говорила – вот какие у меня внуки. Ты же мне как родной, Костенька.

– Вы – моя любимая бабулечка, – улыбнулся Колчановский и обнял Анну Леонидовну.

Она не стала упускать момент и ударила молотом по наковальне.

– Я же тебе фотографии хотела показать! – баба Нюра обернулась ко мне: – Вера, сходи-ка к Римме, пусть даст тебе мой планшет.

Ага, ход конем. Устраняем конкурента для порции вразумляющих увещеваний. Но тут вмешалась Люся.

– Бабушка, я принесу. Вера – наш гость, зачем ты ее гоняешь?

– А разве старость сложно уважить? – сварливо спросила злобная бабулька. – Верочка – девочка молоденькая, ножки быстрые, за минуту обернется. Вот Кариночка бы даже спорить не стала...

– Мне не сложно, – вклинилась я. – Заодно разомнусь.

– Идем, вместе быстрее найдем планшет, – виновато улынулась Люся.

Я поднялась на ноги, проникновенно посмотрела на Костика и, дождавшись взгляда бабы Нюры, произнесла одними губами:

– Люблю.

– И я тебя, – ответил он мне вслух. – Возвращайся скорей.

– Ой, уж и минуты без своей Веры не проживешь, – ядовито произнесла нам вслед Анна Леонидовна, и я услышала его ответ:

– Вы даже не представляете, какой я счастливый, баба Нюра. Верите, домой, как на крыльях, лечу.

Туше! Хотя нет. Гвардия погибает, но не сдается. Сначала посмотрим фотки Кариночки. Надежда умирает только с отъездом объекта и его крали. Но если бы я и вправду была невестой Колчановского, то я бы поостереглась снова оказаться там, где можно встретиться с этой диверсанткой. Черт его знает, каким несварением такая встреча закончится. Да, пункт о страховании здоровья внести нужно было обязательно. Но поздно...

Однако предаваться сожалениям было глупо. Я тут временное явление, и спустя какое-то время Анна Леонидовна сможет продолжить свое сватовство без толку. Выкинув пока из головы бабу Нюру, которая сейчас, наверное, перемывала мне кости, я сосредоточилась на Люсе, в который раз придя к выводу, что она милое и добродушное создание.

Несмотря на то, что мадам Полякова попала под каток бабушкиного гнева, она пыталась сгладить очередную неловкость. Люся, если и обиделась, то никак этого не показала. Хотя мне было неприятно, не за себя. Что там плетет Костику баба Нюра, меня волновало только от нездорового любопытства. Все ее потуги были заведомо тщетны, потому что Колчановскому я сейчас нужна гораздо больше изобретательной старушки. Будь он мне настоящим женихом, я, может быть, и беспокоилась, а так... Нашу любовь никому до понедельника не победить.

А вот за Люсю я обиделась. Передо мной была приятная, общительная молодая женщина, к которой просыпалась симпатия с первых минут знакомства. Гостеприимная, простая в общении, умная, что следует из ее профессии. И я прекрасно понимала Александра, почему он когда-то выбрал Людмилу Сударикову. Зато уже заведомо недолюбливала Карину. Оценки шефа вполне хватило, чтобы понять, что из себя представляет вторая внучка. Да и слова Люси дополнили картину. Она ждала двоюродную сестру на годовщине своей свадьбы, где собрались самые близкие, но та предпочла подругу и отдых в Турции, хотя, опять же, судя по словам Людмилы, любила смотаться и в Прованс. Не удивлюсь, если за счет сестры. Значит, откажись она от своей поездки, то особо ничего бы не потеряла. Хотя это уже личное дело Карины. Однако, будь она поумней, то, наоборот, дружила бы с кузиной, не только когда ей этого хотелось. Через Люсю Карина могла бы найти себе мужика во Франции и там осесть на радость бабушке.

– Тебе совсем не обидно? – спросила я, поглядев на щебечущую Люсю.

– Ты про то, что наговорила бабуля? – она улыбнулась. – Она всегда больше любила Карину. Бабушка живет с семьей сына – с дядей Родей. Его с женой потому и нет сегодня, что они пользуются моментом свободы.

– У твоих родителей такой большой дом, – удивилась я, – почему бабушка не с ними живет?

– Потому что Родичка без нее пропадет. Его заест «эта змеюка Райка», – хмыкнула Люся. – Он младший, и бабушка всегда больше уделяла внимания ему. Потом также поделила внуков. Нет, она, конечно, любит и меня, и маму, но наше место второе. Я маленькая обижалась, потом привыкла и решила, что папа прав – нашу бабулю лучше любить издалека.

– Слишком деятельная, – понимающе улыбнулась я. – И изобретательная.

– Заметила? – рассмеялась Людмила.

– Я бы ей Оскар вручила за сцену с внезапным умиранием, – ответила я.

Люся пожалала мое запястье и произнесла:

– Косте Каринка неинтересна. Это всем понятно, кроме бабули. Карина ему немного строила глазки, но он не реагировал, и моя сестрица отправилась искать счастья с другими вариантами. Ей вообще больше нравится свобода, и мужчины интересны, как источники дохода. Она говорит, что роль любовницы ей подходит больше, потому что не налагает обязательств. Только бабушка продолжает верить в ангельскую сущность любимой внучки. И пусть верит. Говорят, сказки полезны для здоровья.

Я хмыкнула и вычеркнула Карину из своих размышлений. Люся расставила все точки над «і», разом ответив на все мои предыдущие вопросы. Мы как раз зашли в комнату Анны Леонидовны, и я скользнула взглядом по сторонам, почему-то ожидая увидеть здесь иконостас, вроде тех, что устраивают маньяки, когда обклеивают стены фотографиями своей жертвы. Но меня ожидало разочарование – иконостаса, посвященного Карине, не было.

– А вот и планшет, – Люся быстро сориентировалась в бабулиной вотчине.

Планшет был не из дешевых, и кто сделал престарелой аферистке такой подарок, сомневаться не приходилось.

– Это вы ей подарили, – уверенно произнесла я.

Люся кивнула и включила планшет. Похоже, ей самой было любопытно, что там подготовила баба Нюра. Она пролистала фотографии, заглянула в видео и фыркнула. Я стояла рядом и без всякого стеснения пялилась на экран, разглядывая свою «соперницу». В отличие от Люси, Карина была черноволосой. Кукольное личико, стройная фигурка, эффектные позы. Она ничем не отличалась от сотни таких же кукол, чьими фотографиями пестрили Инстаграм и прочие соцсети. Я не увидела ничего, что выделило бы эту девушку из безликой толпы подобных ей. Та же

Люся казалась мне интересней в своем несовершенстве, но с приятной нежностью черт.

Конец ознакомительного фрагмента.

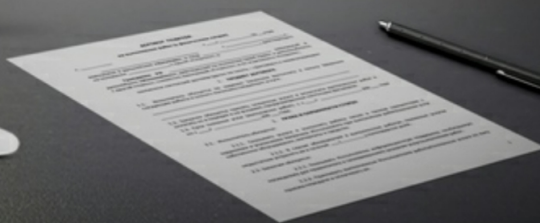
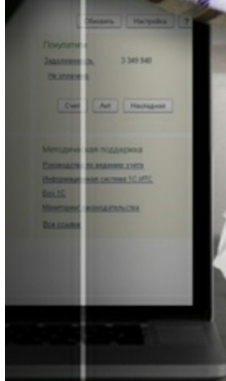
Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Юлия Цыменкова

НЕВЕСТА НА УИКЕНД

16+

